

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 06727385 8

~~*Q Star
Reserve
05- 3290~~

* QDH,
MAYKOV

710 0125
МЯТЕЖНИКИ,

ПОВѢСТЬ,

ВЗЯТАЯ ИЗЪ ВОЙНЫ

СЪ

ПОЛЬСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ.

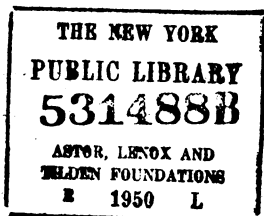
СОЧИНЕНІЕ

М. МАРКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1832.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, предспа-
влены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Санктпетербургъ, 15 Ноября
1832 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

КАРЛУ ИВАНОВИЧУ

БИСТРОМУ 1^{МУ}.

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ,
ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТУ И КАВАЛЕРУ РАЗНЫХЪ
РОССІЙСКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ОРДЕНОВЪ,

съ глубочайшимъ уваже-
ніемъ и совершенною пре-
данностію, посвящаешъ

СОЧИНТЕЛЬ.

MAR 22 1950

КС

MAR 22 1950

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬ!

Счастіе доставило мнѣ случай при особѣ Вашего Высокопревосходительства перенести труды и опасности войны съ Польскими мятежниками; я пользовался постоянно милостивымъ вниманіемъ Вашимъ даже и въ то время, когда тысячи безстрашныхъ были вѣрены Вашей опытности; наконецъ, видя Васъ предъ лицомъ непріятельскихъ батарей — я видѣлъ идеалъ Русскаго воина, видѣлъ — какъ разсвирѣпѣлыя полчища мятежниковъ оцѣпенѣли передъ мужествомъ предводимыхъ Вами героевъ, какъ, не внимая угрозамъ отчаянныхъ своихъ военачальниковъ, они пребывали неподвиж-

VIII

ными и при одномъ словѣ: Генераль Би-спромъ убивъ — ринулись на чело безстрашныхъ, подобно бурнымъ волнамъ, внезапно расторгшимъ упорную плотину. — Я благоговѣлъ передъ Вами! Но почитаю излишнимъ всякое распростра-неніе о своихъ чувствахъ — Вы ихъ знаете и вѣрите, что они проистекаютъ изъ глубины души. Одно желаніе украсить трудъ свой именемъ безпредѣльно уважаемаго мною чловѣка побудило меня къ предпріятію и исполненію онаго. Я почти увѣренъ, что Ваше Высокопревосходительство, по добротѣ своей, не лишите моей Повѣсти благосклоннаго своего вниманія — она есть плодъ времени отдохновенія отъ военныхъ трудовъ; среди бивальной жизни, я посвярялъ памяти по-

ражавшія меня впечатлѣнія, довершалъ ихъ, по возможности, воображеніемъ, въ надеждѣ составить нѣчто цѣлое, съ единственною цѣлью: посвятить Вамъ. Чуждый самонадѣянности, я долгомъ почитаю испрашивать снисхожденія Вашего Высокопревосходительства къ труду и милостиваго вниманія къ чувствамъ, побудившимъ предпринять оный.

Имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства,

Милостиваго Государя,

преданный слуга

М. Марковъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Оспрада жизни молодой,
Паркеша въпреня жрицы,
Живыя, милыя дѣвицы!
Бездушной вашей красошой
Прельщается моя собрашья;
Но не мечшайше вы, подь чась,
Чпо ваши газовыя плашья
Влекушъ всего сильнѣе насъ,
Чпо вами полько мы счаспливы;
Не будыше шакъ самолюбивы.
Безъ васъ приходишъ къ намъ печаль,
Безъ вашихъ ласкъ бываешъ радосшъ;
Лишъ средь бездѣля намъ не жаль
Почтишъ минушой вашу младосшъ.
Среди жъ бивакъ, во шымѣ ночной,
Вблизи коспра, за пѣнной чашей,
Мы не уносимся душей
За легкимъ слѣдомъ ножки вашей.

Забышь огонь волшебныхъ глазъ,
 И роскошь палии поддельной,
 И всё, что привлекало насъ
 Средь жизни суетной бездальной.
 Едва желанье закипишь,
 Едва вашъ образъ пролепишь
 Въ волшебномъ мірѣ сновидѣнья —
 Ужь сердце жаждешь пробужденья,
 Душа ошвагою кипишь
 И просишь полько Русской славы,
 Да славы добраго Царя,
 И сонъ мгновенный, безъ опоры,
 Умчишь всходящая заря.

Я здѣсь безъ лестни объяснилъ
 И чувства высказалъ свои.
 Я ихъ скрывать не научился,
 Какъ вы, красавицы мои!
 Одно вамъ только утѣшенье:
 Что естъ изъ правилъ исключенье,
 Что я любезникъ премохой;

ХІІІ

Я, оскорбляя прямошой,
Не улыбаюсь по заказу,
На васъ смолпрю, какъ на заразу;
Я съ вами дерзокъ и смѣшонъ,
И не былъ опроду влюблѣнь.
Но можешъ бышь другой иначе
О вашихъ прелесняхъ мечшаль —
И въ самый бой душей горячей
Носилъ свой милый идеаль.
И шакъ, не гнѣвайся напрасно,
Красавицъ Невскихъ цвѣшь прекрасный,
Блещащій скромной красошой!
Склони къ спрокамъ несвязной сказки
Свои задумчивые глазки —
И помиришся пы со мной.

М А Т Е Р Ы И К И.

Г Л А В А I.

П И Р Ъ Н А П Е Р Е Х О Д Ъ.

Пей, друзья, покуда пьется!
Ранче.

Дымная хаша душна и шемна;
Други! я хашу весельемъ украшу.
Нѣшь дѣвъ свѣшлоокихъ, шакъ дайше вина,
До края напѣньше походную чашу!
И кубокъ нашъ первый — за здравье Царя,
За славу Россійскаго Трона!
Пушь блещешъ порфира съ него, какъ заря,
Какъ солнце сіяешъ корона.
И кубокъ сей будешъ пророкомъ добра!
Ура! ура! ура!

Такъ пѣли войны молодые,
Ведя въ разсказахъ и винѣ
Часы досуга золошые;
Они мечпали о войнѣ;

Въ мечпаньяхъ пылкихъ и прекрасныхъ
 У нихъ кипѣла сильно кровь,
 Они забыли и любовь,
 И поцѣлуй красавицъ спрашивныхъ.
 Какъ пиръ, имъ весель былъ походъ;
 Неложнымъ дружесствомъ богаты,
 Они спеклись подъ кровлю хаты,
 Оконча длинный переходъ.
 »И пей и пой!« они кричали:
 »Пусть Польша слышишь и дрожишь;
 Но что жъ поваришь нашъ молчишь?«
 Поэшь имъ пѣль — и всѣ внимали:

П о э т ъ.

Друзья! — Пусть хладный въпръ шумишь,
 Вспаешь въ широкомъ полѣ вѣюга, —
 Вино въ насъ духъ развеселишь,
 Согрѣюшь насъ объясня друга;
 И я желалъ бы всей душой
 Провесить въ войнѣ молодые годы, —
 Мнѣ вой пріятнѣй непогоды,
 Чѣмъ дерзкій смѣхъ кокетки злой!

Звучишь военная шруба,
 Зовешь опечесства героевъ;
 И вошь насъ вывела судьба
 На поприще кровавыхъ боевъ,
 Гдѣ льешь чугуновый дождь рѣкой,
 Свистишь свинець, звучашь булашы, —
 Но мнѣ пріашиѣй визгъ гранаты,
 Чѣмъ дерзкій смѣхъ кокешки злой!

Передъ Поэшомъ круговая
 Вдымаетъ пѣну выше края;
 »Пей, нашъ повариць дорогой!«
 И хоръ, ошгрянувъ, громовой
 Попрыасъ все зданье вешхой хапы:

Намъ всѣмъ пріашиѣй визгъ гранаты,
 Чѣмъ дерзкій смѣхъ кокешки злой!

Вдругъ двери наспежь — и въ бесѣду
 Явился Тацкинъ.

Одинъ изъ пирующихъ.

Какъ въ попадѣ

Гусаръ нашъ милый! пей-ка, братъ!
 Спо разъ опаздывалъ къ обѣду,

Шампанскаго не промигнешь.

Э полно, милый, чпо пакъ пьеть?

Пей по-гусарски, живо, разомъ....

Теперь садись, а мы дольемъ.

Гашкинъ.

Я къ вамъ не госпемъ, но посломъ,

Прошу не оскорблять опказомъ :

Въ верспъ опсюда славный домъ,

Хвалю его не безъ причины —

Я шамъ спою, друзья, и чпо жъ?

Зовущъ насъ всѣхъ на именины.

Красавиць сопню шамъ начпешъ —

И нѣтъ ни одного мужчины.

Друзья, скорѣ по санямъ!

Вздѣвай скорѣй мундиръ на плечи!

Напрасно прапишь время, рѣчи,

Повеселишься надо намъ ;

Едва спемнѣло, не далеко ...

Ну чпо жъ вы спали? суепись!

Смошри, Аркадѣй, берегись

Моей хозяйки свѣшлоокой!

Клянусь, не видывалъ милѣй:
 Живѣй панцовщицы актрисы,
 Верплявой ласпочки быспрѣй,
 И обольщипельнѣй Лаисы.

Всѣмъ дружнѣй нравишся призывъ;
 На мигъ забыша жажда брани;
 Вскричали всѣ на перерывъ:
 Скорѣй давайше сани! сани!
 Духи, помада и мундиръ,
 Красавицъ въпренныхъ кумиръ,
 Извлечены изъ чемодана.
 Готовы всѣ, разфранчены,
 Заранѣ всѣ обольщены
 Прелеспной ножкой, складомъ спана,
 Роскошнымъ шрепепомъ грудей
 И блескомъ ласковыхъ очей.
 Сошелъ съ крыльца поѣздъ огромный;
 Садяшся въ сани; мѣсяцъ полный
 Сребришь сіяющую даль,
 Скрышишь въ зубахъ решивыхъ спаль,
 Съ ноздрей клубяшся пара волны.

★

Разсѣлись, крикнули: пади! —
И всѣхъ какъ будно не бывало;
Лишь дымно вдоль дороги спало,
Да слѣдъ оспался позади.

Г Л А В А II.

АРКАДІЙ.

Насъ различають только способности
ума и сердца.

Т а с с ѣ.

Еще Аркадій въ колыбели
 Лишился родныхъ, и надъ нимъ
 Часы веселья не дещъли
 Своимъ пологомъ золотымъ.
 Рука родная не ласкала
 Его невинной красош;ы;
 И жизнь не въ пору показала
 Ему весь ужасъ нагош;ы.
 Въ шѣ дни, когда привыкли видѣшь
 Мы раемъ жизненный удѣль,
 Ужъ грустный юноца успѣлъ
 Людей и свѣтъ возненавидѣшь.
 Ошрады жадно онъ искалъ,
 Вперивъ въ науки умъ высокой,
 Природы тайны разгадалъ —

Но шѣмъ поски не разогналъ,
 Залегшей на сердцѣ глубоко.
 Во цвѣтѣ юношескихъ лѣтъ
 Вступилъ онъ гордо въ душный свѣтъ.
 Его характеръ опличался
 Необычайной прямошюй;
 Въ глазахъ весь умъ его являлся,
 Лице сіяло красотой;
 Слѣдя людей, онъ спрого мѣрилъ
 И уважалъ ихъ по уму;
 Но никогда и никому
 Съ слѣпой покорностью не вѣрилъ;
 На все гошовъ былъ дашь опвѣтъ;
 Его ни почеспьми, ни злапомъ,
 Ни соблазнительнымъ разврашомъ
 Не обольспилъ коварный свѣтъ;
 Онъ былъ врагомъ неправды вѣявъ;
 Учпивъ съ учпивымъ, съ гордымъ гордъ,
 Хошя бъ шопъ былъ въ чеспи и славъ,
 Не извинялъ ни чинъ, ни родъ.
 Такъ, юноши не гвудась шеш

Предъ взоромъ знашнаго глупца;
 Ему былъ чуждъ языкъ льсшеца
 На пирѣ сильнаго злодѣя.

Неправдой міра угнешень,
 Спрадалъ Аркадій. Въ шумъ свѣща,
 Уже примѣшно вянулъ онъ;
 Онъ былъ далеко опчужденъ
 Любви роскошнаго привѣща.
 Его характеръ убѣгалъ
 Красавицъ Невскихъ; по несчастью,
 Онъ былъ богачъ, онъ эшо зналъ, —
 И пошому не довѣрлялъ
 Ни ихъ любви, ни ихъ учасью.

Но полько грустный слухъ дошелъ,
 Чпо Польша буйная возспала, —
 Его душа запрепешала,
 Какъ сномъ покинутый орель;
 Исчезло облако печали
 Съ его прелестнаго лица,
 Глаза, какъ звѣзды засверкали

При видѣ сабли и свинца.
 Балы, и сплешни, и обѣды
 Онъ пренебрегъ, онъ ихъ забылъ,
 И всей душею полюбилъ
 Свои военныя бесѣды,
 Гдѣ въ душномъ облакѣ сигаръ
 Кипишь звѣздяный шокъ Моэпа,
 И гдѣ гремятъ сѣпихи куплепа
 Подъ звукъ неспроенныхъ гишаръ,
 Гдѣ всѣхъ единое желанье:
 Походъ.

И вошь, уже давно,
 Въ Липву и въ Польшу внесено
 Вино, и шумъ, и ликованье.
 Теперь у всѣхъ поска одна, —
 Чпо медлишь ясная весна,
 И чпо-то снѣгъ не скоро таетъ!
 А между шѣмъ, молва гремишь:
 Чпо Русь надъ Вислой ужъ спойшь
 И скорой бишвы ожидаешь.

ГЛАВА III.

ТѢАРА.

Зачѣмъ родилась она въ семь развратномъ
вѣкѣ? зачѣмъ невинная душа ея должна пичашаться ошь сшоль оскверненныхъ источниковъ?

Т а с с ѣ .

Взгляни на дѣву, какъ она
Весной семнадцатой прекрасна;
Но какъ завѣтная весна
Для милой дѣвочки опасна!
Вдругъ все не мило спанеть ей,
Чшо было прежде такъ прелестно,
И чшо-шо грустенъ соловей,
И чшо-шо груди будшо тѣсно;
Въ часы пльнишельнаго сна
Мучищель духъ ее лелѣеть:
Едва сомкнешь глаза она —
Проснешся быспро, покрасишь
И долго ликъ ея молодой
Блещишь улыбкой не земной

Ея невнятнаго помненья
 Не могушь выразишь уста.
 Ей кажешся, душа пуща,
 Душа желаешъ наслажденья....
 Какого жъ, гдѣ и какъ искашь? —
 Она не въ силахъ разказашь.

Въ свободной рѣзвостии не зная,
 Чшо къ сей губишельной веснѣ
 Близка, Теара молодая
 Жила спокойно въ пишинѣ,
 Въ дому родномъ, съ опцемъ и брашомъ.
 Но въ Польшѣ бунштъ — и вопштъ они
 Ведуштъ въ опкрыпомъ полѣ дни,
 И препоясаны булашомъ.

Чернѣе вранова крыла
 Сбиралась пуча надъ Варшавой —
 Парилъ съ Липвы орелъ друглавый.

Ядъ заразишельнаго зла
 По Польшѣ текъ; и кшо по волѣ

Не шель подъ знамя мяпежа,
 Того влекли въ оковахъ въ поле,
 И попь подъ лезвіемъ ножа
 Даваль преспунную присягу:
 Имъня, жизни не щадишь,
 И безъ побѣды не вложипь
 Однажды вынущую шпагу.
 У всѣхъ, какъ будпо опъ чумы,
 Перешуманились умы;
 Всѣ сказкамъ вѣряшь, словно дѣши;
 Полнѣюшь войско и казна;
 Полны вельможъ коварныхъ свѣши.
 И даже слабая жена,
 Съ мечемъ въ рукъ, увлечена
 Волнами бурнаго попока.
 Весь край заспигнула гроза

Покинула на волю рока
 И попеченія Ксенза,
 Теара дни свои проводишь.
 Опецъ духовный къ ней приходишь

Своей молишвой услаждашь
 Печали жизненной дороги :
 Онъ къ ней приходишь помогашь
 Сбирашь условные налоги
 И въ дань опчизнѣ описывашь.

Возможно ль спашь прошивъ природы ;
 Возможно ль сердце пріучишь
 Всегда безумолку груенишь,
 Когда шекунъ веселья годы?
 Теара рѣзвая была
 Среди печалей весела.
 Ее природа наградила
 Умомъ и пламенной душой,
 Теара всѣхъ обворожила
 Своей небесной красошой.
 Ея слова звучашь, — какъ лира,
 Она легка — какъ аромашь,
 Свѣжа — какъ Май; глаза горяшъ
 Огнемъ лазоревымъ ээира;
 Алге розы молодой

Ея уста, въ нихъ спрасъ и нѣга;
Ея плеча, бѣлѣ снѣга,
Ласкаешъ локопъ золошой;
Ея единое явленье
Какого бѣ сердца не зажгло?
А ей судьба, какъ бы на зло,
Дала на часъ уединенье.

Г Л А В А IV.

Б а л л ъ.

....Гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можешь смерть постичь скорѣе
Державинъ.

Вблизи дороги, древній домъ
Блещишь какъ зарево огнемъ;
Ряды саней тѣсняшся къ площадкамъ,
Подъѣздъ распворенъ для гостей,
Рой любопытныхъ бабъ, дѣпей,
Прильнулъ къ сіяющимъ окошкамъ.
Играешъ вальсъ военный хоръ,
Любезникъ Ташкинъ все уладилъ;
Да вопъ и онъ — спрѣлой на дворъ....
Усы широкіе разгладилъ,
И предъ хозяйкой молодой
Явился съ въпренной шолпой,
Своихъ друзей рекомендуешъ,
И просишь полюбить гостей,
Она смущается, и съ ней

Гусарь нашъ лихо вальсируетъ.
 Собранье спало веселѣй.
 Во слѣдъ любезному корнешу,
 Безъ думы, вихремъ по паркету
 Пуспились наши молодцы:
 Вершяпъ Полячекъ безъ разбора,
 Къ красѣ и ловкости слѣпцы;
 Балами приняшаго вздора
 Они не шепчуть, — и пока
 Заводяпъ рѣчь издалека
 О Пешербургѣ, о Парижѣ,
 О красотѣ Липовскихъ дѣвъ,
 О танцахъ; между шѣмъ подсѣвъ
 Къ Полячкѣ миленькой поближе,
 Твердяпъ лукаво: чпо она
 Ловка, любезна и умна;
 Вслухъ соглашающся съ молвою,
 Чпо краше Полекъ нѣтъ собою;
 И черезъ часъ друзья мои,
 Въ дому, имъ чуждомъ, какъ свои. —

Но что Аркадій одинокой
 Бѣжишь отъ храма красоты,
 Зачѣмъ лица его черты
 Храняшь слѣды шоски глубокой?
 Съ живымъ учасіемъ Поэшь
 Спросилъ: »Ты чѣмъ-то недоволенъ?
 Ты пакъ унылъ, или ты болѣнь?»
 Но онъ сказалъ, вздохнувши: — »нѣтъ!« —
 И вспрѣшилъ бѣглый взоръ Теары,
 И загорѣлся какъ пожаръ
 Ее межъ шѣмъ умчали пары.
 »Мой другъ! мнѣ кажется Гусарь
 Тебѣ пророчилъ безъ ошибки?
 (Сказалъ Поэшь не безъ улыбки)
 И если бѣ знашь что напередъ,
 Оспашься дома бы въ покоѣ;
 Теперь жишье шебѣ плохое
 И будешь шягоспенѣ походѣ.
 Ужъ мы съ шобой не жди веселья!
 Ты помани мои слова,
 Съ любви кружишь голова

Не хуже всякаго похмѣлья.
 Повѣрь мнѣ, шакъ, моя душа!
 А впрочемъ, я съ побой согласенъ,
 Чшо эпошъ вздохъ пивой не напрасенъ —
 Она какъ ангель хороша
 Еще не кончилъ нашъ писашель,
 Какъ Ташкинъ, въпреный вздыхашель,
 Предъ нимъ насмѣшливо поймавъ
 Двухъ дамъ, или двѣвъ, ошмѣнно дюжыхъ,
 Рябыхъ, жеманныхъ, неуклюжихъ,
 Къ Поэшу съ ними подбѣжавъ,
 Одушевленный эпиграмой,
 Спросилъ: la rose où la violette?
 La Rose, сказалъ, привспавъ, Поэштъ,
 И улетѣлъ съ прешолспой дамой;
 Но безъ успѣха здѣсь была
 Гусара милаго услуга,
 Она улыбки не взяла
 Съ лица задумчиваго друга.
 Изнемогая опъ недуга,
 Веселой мысли въ далекъ,

Склонилъ онъ голову къ рукъ,
 Въ раздумьи поднѣлъ взоръ унылый,
 Какъ будто былъ на пополкѣ
 Начертанъ образъ сердцу милый;
 Мечша, одна во слѣдъ другой,
 Играли пламенной душой.
 Но вдругъ онъ слышишь гласъ Поэша:
 »Амврозія или Комеша?«
 Проснись, Аркадїй, предъ побой,
 Какъ существо младое рая,
 Съ румянцемъ алымъ на щекахъ,
 Съ огнемъ живительнымъ въ очахъ,
 Стоишь Теара молодая,
 Стоишь, и съ нешерпѣньемъ ждешь —
 Кого Аркадїй изберешь.
 »Амврозія« сказалъ мечшатель,
 И обхватилъ эфирный спанъ;
 Казалось, цѣлый океанъ
 Блаженства далъ ему Создатель.
 Лицемъ касаяся кудрей,
 Забылся онъ, опъ спросиши пая,

И божество души своей
 На шрепьемъ шурь оспавляя,
 Благодарить, не поклонясь;
 Она въ ошвѣтъ ему — присѣла,
 Не подымая милыхъ глазъ,
 И вся примѣнно покрасѣла.
 Счастливицу шенчепть молодежь:
 »Ты залешѣлъ въ черпоги Феи!
 Сбирай желанныя шрофен,
 Ты ихъ со славой соберешь.
 Блаженство пей изъ ушь прекрасной,
 Какъ часпо съ нами, въ часъ ненасытный,
 Кликъ изъ полной чаши пьешь!
 Смѣлѣй, послушайся совѣта!
 Поэпть, вмѣшавшись въ кругъ друзей,
 Спросилъ Аркадыя: »что кмѣльнѣй —
 Амврозія, или Комена?«
 Тогда въ веселѣй кругъ госпей
 Взошелъ Полякъ красивый, спройнѣй;
 Теара вспѣхнула. Онъ къ ней
 Идѣпть съ улыбкой безпокойной,

★

Едва привѣспіе сказаль,
 Какъ всѣхъ окинувъ злымъ взоромъ,
 Ей что-то бысро прошепсаль
 Съ примѣшнымъ сердцемъ и укоромъ.
 Казалось, онъ не признавалъ
 Приличій свѣтскаго закона;
 Онъ все собранье миноваль,
 Съ надменнымъ видомъ, безъ поклона,
 И скрылся въ дальній кабинетъ.
 Судя по виду, безъ сомнѣнья,
 Онъ образованъ, знаешъ свѣтъ;
 На немъ былъ Русскій крестъ надъшъ.
 Къ чему жъ въ немъ должнаго почтенья
 Къ побѣдоносцамъ Русскимъ нѣшъ?
 Къ чему съ Теарой онъ шакъ воленъ?—
 И имъ Аркадій не доволенъ.
 Тма подозрѣній и преревогъ
 Родилась въ глубинѣ сердечной....
 Ужъ гдѣ любовь, шамъ ревность вѣчно,
 И каждый шагъ къ враждѣ предлогъ.
 Военный духъ невѣждѣ не любишъ.

И часпо, часпо молодежь
 Себя, неопытная, губишь.
 Но юной крови не уймешь!
 Чпо было — еспь, и вѣчно будешь:
 Тому бѣды не миновашь,
 Кпо долгъ приличія забудешь.
 Вопь всѣ ужъ начали шепшашь;
 Влпшъ собрались у кабинета....
 И Поляку не избѣжашь
 За дерзоспъ спрогаго онвѣла.

Ташкинъ (*тихо*).

Идише къ дамамъ, господа,
 Не надо дѣлать гласной ссоры.

Поэтъ (*также*).

Э, полно, Ташкинъ! чпо за вздоры....
 Осшавъ....

Ташкинъ (*въ полголоса*).

Невѣжду? никогда!

Я дамъ ему урокъ изрядный,
 Понижу вздернутый шупей
 И эшопшъ шонъ весьма парадный.

(Грошко) Поляки дождались гостей,
 Но имъ, какъ кажешся, не рады —
 Мы много принесли мечей
 Измѣнъ буйной для награды.

Полякъ.

О, нѣтъ! божишься я гоповъ,
 Чшо вы въ сужденіяхъ не правы;
 Хопяшь изъ Русскихъ череповъ
 Моспишь всѣ улицы Варшавы....

Аркадій.

Гдѣ вамъ врага сооружаешь
 И, съ чешью должной, вашу шею
 Пеньковымъ галспукомъ почпяешь.
 За чшо почи ручаешься смѣю....

Полякъ.

Вы забываетесь!

Аркадій.

Въ чемъ?

Полякъ.

Въ чемъ!... Вы не избѣжите мести!
 Когда прикажете, на чемъ?

АРКАДІЙ.

Царя измѣнники безъ чести —
Мнѣ спѣдно драшься съ Полякомъ.

ПОЛЯКЪ.

Вашъ спѣдъ предлогъ, а трусость дѣло;
Вамъ слишкомъ страшень исполешъ;
Къ чему жъ забавишься пакъ смѣло?
Прошу покорно дашь ошвѣщъ!...
Вы первый будеше примѣромъ
Безумцамъ наглымъ... Гдѣ жъ, на чемъ?
Дерипесь съ Русскимъ кавалеромъ —
Коль спѣдно драшься съ Полякомъ!

АРКАДІЙ.

Измѣнникъ злой... безъ предисволья,
Поупру завпра, въ прехъ шагахъ,
Тамъ за горой — вошь всѣ условья.
Кому изъ насъ приличнѣй спрахъ
Увидимъ ясно...

ПОЛЯКЪ.

Безподобно!

Ташкинъ.

Прервашь позволше разговоръ!

(Поляку) Вамъ имя объявишь угодно?...

Полякъ.

Гардовскій, опспавной Маіоръ.

Ташкинъ.

Живеше гдѣ?

Гардовскій.

Не подалеку.

Ташкинъ.

Чьи нисполешы?

Гардовскій.

Все равно.

Ташкинъ.

Пустъ секундантъ прїѣдетъ къ сроку,

Условишься не мудрено.

И такъ прощайше, до разсвѣта!»

Полякъ, надменно поклонясь,

Тотчасъ ушелъ изъ кабинета,

И вскорѣ скрылся, не просясь.

Межъ нѣмъ ужъ зала опустила;

Уже нечаяннымъ гостямъ
 Наспало время по домамъ;
 Теара съ шрепешомъ глядѣла,
 Когда Аркдѣй подойдетъ
 Сказашъ проспи; но онъ оспался;
 Онъ ночь у друга проведешъ,
 Онъ съ ней до утра распрощался, —
 И какъ былъ взоръ краснорѣчивъ,
 Смутившій очи голубья!
 Какъ былъ привѣщъ ея спыдливъ!
 Какъ бились перси молодья!
 Какъ былъ медлищелень поклонъ,
 Неловки, спранны всѣ движенья,
 Несвязны рѣчи, какъ сквозь сонъ!...
 Извѣстно всѣмъ, кшо былъ влюбленъ;
 Чшо въ первомъ спрашномъ объясненн
 Не нужно пламенныхъ рѣчей,
 Довольно вздоха или взора....
 Ужъ сердце пылкое поймешъ
 Изъ нихъ всю силу разговора,
 И очи выразяшъ ошвѣшъ. —

Г Л А В А . V.

ГАРДОВСКІЙ.

И тѣмы лѣсовъ спрашится онъ:

Тамъ бродяшъ привидѣнья!

Жуковскій.

»Садись, Михаль, и будь возницей,
 А хлопецъ пушь идесть домой.
 Мы полешимъ съ побою ппицей
 И перемолвимся съ побой;
 Мнѣ здѣсь не время мѣшкаль долѣ.«
 Гардовскій молвишь лишъ успѣль,
 Какъ бичъ широкій засвиспѣль,
 И вопъ ужъ кони мчашся въ полѣ.
 Вдали чупъ блещепъ огонкомъ
 Теары юной пышный домъ —
 И вопъ его невидно болѣ...

ГАРДОВСКІЙ.

Михаль! попише, снѣгъ глубоъ,
 Надъ головой повисли ели,
 Сдержи коней, пушь не далеъ,

(Какъ я далекъ былъ можешъ цѣли!)
 Дай возжи мнѣ! садись со мной!
 Намъ тѣсно, сядь мнѣ на колѣни!
 Тебѣ не нужно увѣреній,
 Чпо я шебя люблю душей;
 Я гордъ и золь, но для шебя ли?
 И вопъ уже восемнадцать лѣтъ
 Одишь лишъ ласковый привѣтъ
 Во мнѣ глаза твои вспрѣчали.
 Дѣля мой споль и мой покой,
 Ты, съ колыбели бывъ со мной,
 Былъ для меня одной заботой.
 Но почему? мой другъ, не знай —
 И съ прежней дѣтскою охотой
 Забавы юности вкушай.
 Вѣрь, зла шебѣ я не желаю!
 И ты ушьшь меня! Рука
 Твоя неслыханно мѣшка;
 Я съ гордостью молвѣ внимаю,
 Чпо ты, преслѣдуя волковъ,
 Разсыпалъ страхъ въ глуши лѣсовъ

Еще незнаемый опъ вѣка;
 Ты мнѣ звѣрей приносишь въ даръ.
 Попробуй, вѣренъ ли ударъ
 Твой будешь въ сердце челоуѣка!
 Ты испугался!... Онъ злодѣй,
 Изчадѣ ада, врагъ свящыннъ,
 Алчннѣй, свирѣпѣй всѣхъ звѣрей,
 Тобою виданныхъ донынѣ.»

Михалъ.

Кпо жъ онъ?

Гардовскій.

Нашъ Ксензъ. Я для него
 Прошу удара пвоего.

Михалъ.

Ты силенъ, Панъ, въ пвоей я власпи,
 Низринь меня, въ пучину бѣдъ,
 Дай испышапъ мнѣ всѣ напаспи,
 То и погда скажу я: нѣпъ!

Гардовскій.

Я зналъ, предвидѣлъ сей опвѣпъ.
 Души младенческой, прекрасной.

Но слушай, рядъ злодѣйствъ ужасный
 Раскрышь я долженъ предъ тобой;
 Онъ будетъ шайной между нами....
 Ты помнишь, прошлою весной,
 Какъ подъ кровавыми бичами
 Несчастный умиралъ спарикъ?
 Онъ шайный ножъ мнѣ въ грудь на-
 правилъ;
 Но дерзкій замыселъ оспавилъ.
 А онъ злодѣй, какъ духовникъ,
 Давно минувшее проникъ;
 Онъ зналъ — моя ужасна злоба! —
 И далъ мнѣ жертву! для чего?
 И кто причиною его
 Въ крови дымящагося гроба?
 Чшо жъ онъ — служилъ Церкви? — Онъ,
 Не боля, какъ изъ злша горщи,
 Сокрылъ поруганныя косши,
 Презрѣлъ Религiи законъ.
 Михаль! гяди.... шамъ въ ошдаленьи...
 Вопъ на кладбищѣ, въ сморонѣ,

Вспашешь... и ... гробовое пѣнье...
 Иль шо послышалосѧ мнѣ?
 Иль прахъ мечпа одушевила?
 Проѣдемъ мимо поскорѣй!
 Вошъ спарца бѣднаго могила...
 Смошри, кровавый паръ надъ ней...
 Михаль, хлещи же лошадей!
 Ну вошъ она ужъ и за нами.
 Какими спрашными мечпами
 Съ разсвѣна жизнь моя полна!
 Вошъ повѣспъ юноспи одна:
 Я зналъ Шляхпянку, цвѣтъ прекрасный
 Изъ всей Липовской спороны;
 Она уже любила спрашно,
 Какъ мнѣ плѣнительные сны
 Явили образъ дѣвы милой
 И, мыслью я привыкнувъ къ ней,
 Рѣшилъ: иль волей или силой
 Владѣшь невинной. — Я скорѣй
 Ксензу опкрывся. Чшо жъ? пропажа
 Въ его дому свяшыхъ вещей;

И гдѣ опыскана покража?
 И кто виновникомъ былъ? Онъ,
 Любимецъ дѣвы недоспунной.
 Онъ ею въ мигъ пренебреженъ,
 Цѣпями, спражей окруженъ,
 И сосланъ въ ссылку какъ, прескупный.
 Объ немъ нѣтъ слуха... А она,
 Опрады сердца лишена,
 Моихъ съшей не избѣжала.
 Но грусть всечасно съ ней была,
 Ее примѣшно разрушала
 И наконецъ во гробъ свела....
 А кары нѣтъ за прескупленье!
 Еще ль мнѣ должно продолжать?
 Судьба шебя зовещъ для мщенья,
 Она пволя, злосчастный, мать....
 — Запрепешала грудь младая
 И кровью налились глаза.
 Слещѣла жляшва роковая,
 Свершился приговоръ Ксенза.
 Пока недугъ ожесноченъ

Михаля жегъ и волноваль,
 Гардовскій шихо продолжалъ:
 »Ея не зрѣль я погребенья,
 Не смѣль могилы посѣпишь....
 Лишь кресъ вельль поспановишь,
 Надъ скорбной жершвой обольщенья.
 Пади на прахъ, девинный сынъ,
 Чшобъ машъ за гробомъ не спенала!
 Ты кресъ найдешь, — лишь онъ одинъ
 На всемъ кладбищѣ изъ мешадла.
 Но вошь недалеко опъ насъ
 Ксенза пресщупнаго обипель.
 Оспановись на время, мспипель,
 Не наступилъ злодѣя часъ!
 Онъ нуженъ мнѣ въ послѣдній разъ....
 Злодѣй еще мнѣ нуженъ... скоро
 Онъ насъ оставишь навсегда....
 Свяжи коней за повода
 Хошь у креса, хошь у забора.
 И жди... съ восходомъ солнца смершь—
 Но шы склоняешься главою?

Поводья звукнули о мѣдь
Родимой коспи предъ щобою
Молись, мой сынъ, надъ сей землею.
Гардовскій, скрывшись межъ кустовъ,
Нарушилъ мершвый сонъ гробовъ,
Мечшамъ, пропившись не въ сила
»Михалъ! она бѣжитъ за мной . . .
Михалъ! держи ее въ могилѣ!«
И замеръ голосъ громовой.

Г Л А В А VI.

КсЕНЗЪ.

... лишь мнѣ бы ладно было,
А шамъ весь свѣшь гори огнемъ!
Крыловъ.

Какую лѣпопись ведешъ
Ученый Ксензъ въ минушы ночи?
Зачѣмъ его сверкающъ очи,
Когда рука перо берешъ
И спроки длинныя выводилъ?
Онъ по спокоенъ, по угрюмъ,
И, мнился, напряженный умъ
Его въ спранъ далекой бродилъ,
Гонясь за мыслью золошой,
Какъ иногда любовникъ спрастный
Въ шолпѣ блестящей и прекрасной
Подруги ищетъ молодой.
Но вопъ онъ вспалъ, и молвилъ слово:
»Такъ, нѣсколько еще минушь —
И я окончу важный шрудъ;

Одна спрока — и все гошова!
 Заушро проповѣдь свою
 Я въ сеймъ Варшавскій опешлаю;
 Ее съ воспоргомъ примушъ — знаю,
 И въ томъ заклапие даю.
 Кшо можешъ высшавишъ шакъ смѣло:
 Свяшыней буйспвенное дѣло,
 Необходимоспъ защищашъ
 Отъ милоспей Царя Варшаву
 И за позорящую славу
 Имущесшво и жизнь опдашъ?
 Пошребно сильный даръ вшши
 И обладашъ моимъ умомъ,
 Чшобы предспавишъ чернымъ зломъ
 Благодѣянiя Россiи.
 Меня успѣхъ блестящiй ждешъ;
 Явлюсь въ кошелѣ предъ народъ,
 Съ слезами буду проповѣдашъ, —
 И сколько юношей пойдешъ
 Въ бою мечи свои извѣдашъ!
 Польюшя милосши рѣвкой

Въ мою смиренную обитель...

А я, Предвѣчнаго служитель,

И средь враговъ найду покой.

Спущишься кпо-шо! знашь за мною,

Для оппущенія души;

Какъ не пошелъ порой ночью

Сбирашь проклятые гроши!

Не ша пора теперь настала»

— Вдругъ дверь шапнулась, зашрещала,

Казалось, адскою рукой

Быль вырванъ ввинченный пробой;

И кпо жь? Гардовскій,—дыбомъ волосъ,

Спрашнѣй явленья мершвеца,

Глаза потухли, нѣшь лица,

Дрожащъ колѣна, замеръ голосъ

Ксензу на сердце палъ морозъ

И онъ смиренно произнесъ:

» Скажи, зачѣмъ, мой сынъ, явился?

Ты помѣшалъ моей мольбѣ;

Иль шы съ пуши во мракъ сбился?

Къ кому шы шелъ? »

Гардовскій.

Къ тебѣ, къ тебѣ....

Ксензъ.

Скажи. — Я швой въ минушу нужды;
Мой долгъ помочь бѣдѣ швоей!
Дѣла благія мнѣ не чужды.

Гардовскій.

Не пришворяйся, пы злодѣй,
Какихъ злодѣевъ въ мѣрѣ мало!
И мы условимся съ побой:
Фольварокъ лучшій будетъ швой
И прешъ имѣнья — вошъ начало.
Послушай, Ксензъ, не откажись —
Тебя назначилъ я убійцей....
О, не смущайся не спрашисъ,
Ты былъ спокрашно кровопійцей;
Мы кляшвой связаны съ побой,
Она виситъ, какъ громъ надъ нами!
Ты помнишь спарца подъ бичами,
Шляхпянку, дивную красой!
О, я шебѣ, какъ призракъ грозный,

Былое буду оживляшь;
 До утра спану исчисляшь
 Злодѣйства . . . Нѣшь, ужь будешь поздно!
 Спаси, съ восходомъ дня дуэль:
 Дерусь я съ Русскимъ; сердце сжалось . . .
 Иди, убей его! — Вошь цѣль
 Моихъ исканій. Мнѣ казалось,
 Что я ужь въ шаршарѣ, въ огнѣ
 Спаси! — Или не живишь мнѣ долѣ.
 Легко прокрасься въ шиниѣ
 Не возражай! однимъ лишь болѣ,
 А для убійцы все равно . . . «

И слово страшное дано,
 И взявъ кинжалъ для пораженья.
 Гардовскій радосно вздохнулъ,
 Злодѣя обнялъ и шепнулъ:
 »Припомни домъ и шрешь имѣнья . . . «

Г Л А В А VII.

НЕУДАЧА.

Жива ли я? — Сердце холодно,
кровь остановилась. — Какой
страшный голос!

Карамзинъ.

Темнѣла полночь. Все молчало,
Давно вкушало все покой,
Лишь сердце дѣвы молодой
Въ груди спѣсенной шрепешало.
Еще не вѣдала она,
Тоской, или радостью полна;
Ея мечшанья были новы;
Поспелъ казалась горяча;
Она съ лилейнаго плеча
Сорвала жаркіе покровы,
Желая сердцемъ ошдохнуть,
Полночный долгъ опдашь природѣ, —
И восхищительная грудь
Зашрепешала на свободѣ,
И подѣ прозрачной пленой

Обрисовалась предеспѣ спана
 И прелеспѣ ножки молодой;
 Такъ въ спонкомъ облакъ шумана,
 Въ часы мечпанія, видна
 Небесъ красавица — луна.

Вдругъ кшо-шо спукнуль; мыслишь
 два:

«Ужели онъ?» Ея глаза
 Полны опчаянья и гнѣва,
 Трепеща, ждешъ — и зришь Ксенза.

ТЕАРА.

Панъ Ксензъ!.... Скажи, какой судьбою
 Ты здѣсь явился предо мною?
 Почшо и съ чѣмъ? Давно ужъ ночь!

КСЕНЗЪ.

Да будешъ мѣръ съ шобою, дочь,
 И сила горней благодаши!
 Почшо жъ блѣднѣешь ты, какъ тѣнь,
 И прижимаешься къ кровати!
 Твоя душа ясна, какъ день,
 Чиста, какъ ангель злашпокрыльй.

Опринь дивическій свой спыдъ; —
 Души, хранимой высшей силой,
 Твоя краса не возмушишь,
 Я чуждъ земнаго искушенья!
 Не сокрывай младую грудь,
 Свободнѣй будешь ей вздохнуть
 Въ минушу грознаго волненья....

Т Е А Р А.

Меня объемлетъ шайный спрахъ....
 Скажи скорѣй, не мучь напрасно!

К с е н з ъ.

Я видѣлъ женщину въ цѣпяхъ,
 Я зрѣлъ мученія несчастной:
 Увы! она была рабой,
 Родясь для скишпра и короны;
 Она пускала вопль и сцоны
 Подъ иноземною пяпой;
 Къ ней спрашныя жодили гости:
 Съ пидой, клещами и бичемъ,
 Терзали плоть, пилили кости
 И жгли медлищельнымъ огнемъ;

Имъ чужды плачь и укоризна!
 Ужъ многихъ членовъ лишена
 Она была

Т Е Л Р А .

Но кто жъ она?

К с е н з ь .

Твоя злосчастная опчизна. «

Въ глазахъ коварнаго Ксенза
 Сверкнула яркая слеза.

Уже свирѣпствовалъ ужасно
 Ускусно поданный имъ лдъ;

И Ксензъ душой былъ злобной радъ,
 Спраданья дѣвы видя ясно:

Оспанова свой пускмый взоръ,

Она дрожишь и спрашно дышишь,

Какъ будно гласъ небесный слышишь

Рекущій смершный приговоръ.

Сраженная ударомъ сильнымъ,

Она, не плача, но спена,

Сказала голосомъ могильнымъ:

»Обрадуй, воскреси меня!

Скажи, что вѣришь ты надеждѣ,
 Мечтамъ единственному моему,
 Что будешь край родной, какъ прежде,
 Широко, могучь, непобѣдимъ,
 Что вновь въ подсолнечной заблещешь
 Его вѣнчанная глава —
 У горделивая Москва
 Предъ нимъ, какъ прежде, запрепещешь.
 Иль призракъ счастья пропалъ
 И Польша сирота у свѣта?
 Заплакалъ Ксензь — и безъ оповѣща
 Ей подаль блещущій кинжалъ.

Ксензь.

Самъ Богъ, смиренной голулицѣ,
 Тебѣ сію вручаешь спаль,
 Возспань, подобна будь пигрицѣ,
 Когда тебѣ опчизны жаль.
 О, если каждая десница
 Жены, или дѣвы молодой,
 Сразитъ врага, — повѣрь, съ весной
 Взойдешь желанная денница:

Повсюду радость зашумишь
 И будешь праздникъ всенародный,
 Москаль собой не опягчяшь
 Земли Поляковъ благородной.
 Въ швоемъ жилищѣ Русскій спишь
 Теперь ты знаешь цѣль кинжала
 Почшо жь рука швоя дрожишь,
 Почшо ты вся запрепечала?
 Тебя спрашишь свяшой призывъ!!
 Какъ онъ могучъ и справедливъ,
 Какъ будешь месшь полна, примѣрна!
 Явись, какъ древле Іудию
 Съ главой явилась Олоферна!
 Какой Полякъ не будешь радъ,
 Услыша вѣспь о меспи нашей!
 Или, — со мной надежный ядъ
 Не опоздай съ задравной чашей!

Т Е А Р А .

Служишель Вѣры, успыдись,
 Склони къ землѣ скорѣе очи!
 Въ тебѣ ль шѣ мысли родились?

Онъ чернѣе полуночи.
 Безщадно сонныхъ убивашь,
 Давашь за шрапезой оправы....!
 Ты ль это могъ мнѣ предлагашь?
 Нѣшь, шы не хочешь Польской славы!
 Бѣги шы къ спраждущимъ больнымъ
 И лучше шамъ, себѣ въ опраду,
 Вмѣшай шы имъ въ лекаршва яду —
 И возгордись поспупкомъ симъ.
 Конечно я была бѣ шигрица,
 Когда бѣ совѣшь швой приняла.
 Какой успѣхъ въ дѣляннѣ зла!
 Полякъ боець — но не убійца!
 И я клянусь шебѣ въ сей мигъ,
 Клянусь предъ всемогущимъ Богомъ,
 И усшою въ обвшѣ спрогомъ,
 Чшо я пойду въ ряды моихъ
 Родныхъ Поляковъ, сильныхъ, смѣлыхъ,
 Труды я съ ними раздѣлю
 И пѣсни спроевь ихъ веселыхъ:
 Я докажу, чшо я люблю

Опчизну милую, свяшую.
 Но, мой учипель! дай опшвѣшь,
 Тебя спрого испышую,
 Скажи мнѣ: Топъ ли Богъ иль нѣшь,
 Меня къ убійству посылаешъ,
 Копорый извергамъ прощаешъ,
 Копорый научилъ меня
 Во всемъ его величье видѣшь, —
 Въ восходѣ, въ захожденьи дня
 И злыхъ враговъ не ненавидѣшь?
 Тебѣ спалъ въ шягоспъ свѣлъ огня...
 Молчишь?... Такъ знай, чпо если бѣ даже
 Ты самъ кошѣлъ убійцей бышь, —
 Тебѣ къ нему не доступишь:
 Я буду у него на спражѣ.
 О, какъ унизилъ ты себя!
 Кольнулъ ты сердце спрашнымъ жаломъ.
 Бѣги, бѣги съ своимъ кинжаломъ,
 Смошрѣшь мнѣ спрашно на шебя.

Г Л А В А VIII.

Духовникъ.

 Вѣра да спасешъ тѣя!

 Священ. Пис.

Куда и кпо пакъ рано въ пушь?
 Кого, какъ будшо опъ погони,
 Поднявъ хвосты, нашужа грудь,
 Несушь чрезъ поле борзы кони?
 Съ крушыхъ боковъ валился паръ,
 Покрышы морды спрашно пѣной
 И шлепъ удару въ слѣдъ ударъ
 По нимъ возница разъяренный;
 Несушся.... спали предъ крыльцемъ,
 Гдѣ ликовали госпи пира,
 Гдѣ вокругъ блиспало все огнемъ,
 И гдѣ шеперь обипель мира.
 Священникъ Русскій входипъ въ домъ;
 На встрѣчу Ташкинъ: видъ смущенный...
 Обнялъ онъ паспыря спѣшилъ,
 Его рукой благословенный,
 И шарцу шихо говоришь:

»Опець духовный, Бога ради,
 Не медли душу оппустишь,
 Дуэль: — Полякъ и нашъ Аркадй,
 И средспва нѣшь осшановишь!
 Онъ здѣсь, не спишь. Иди съ дарами
 И вѣра да спасешъ его!
 Лишь солнце спанелъ надъ холмами —
 Не нужно будешъ ни чего...«

Уже свинець улегся въ дуло;
 Мелькнулъ съ воспюка слабый свѣтъ —
 И сердце храброе вздрогнуло.
 На заряженный писшолешъ
 Аркадй броса взоръ угрюмый,
 Смушилса временно душей
 И быспро къ дѣвѣ молодой
 Перелешъль прощальной думой:
 Онъ ясно видишь, какъ она,
 Въ обьяшьяхъ упренняго сна,
 Съ полуопверспными уснами,
 Лежишь, шомленія полна,

И какъ роскошными грудями
 Колеблешь складки полопна;
 Она вся жаръ и упоенье!...
 Но для кого сей цвѣтъ развишь?...
 И въ пылкомъ сердцѣ подозрѣнье
 Смолой клокочущей кипишь.
 Аркадїй мыслишь: день проглянешь —
 И можешь бышь, меня не спанешь;
 А дѣва, съ пламенемъ любви,
 Прижмешь къ груди своей убійцу,
 Начнешь лобзать его десницу,
 Омышую въ моей крови,
 Упавъ, какъ въ рай, въ его объятья,
 Меня со смѣхомъ назовешь,
 И надо мной произнесешь
 Ругательства и всѣ проклятья
 Тогда . . . тогда въ могильной мглѣ
 Раздася хохотъ адской злоси
 И поворошяся въ землѣ
 Мои поруганныя кости . . .

СВЯЩЕННИКЪ.

Мой сынъ духовный! дай опвѣсть,
 И не спрошу тебя я боль;
 Скажи, что насъ за гробомъ ждешь?
 И жизнь швоя въ швоей ли волѣ?»

Вошедшій паспырь такъ вѣщаль;
 Съ его рѣсницъ слеза бѣжала;
 Аркадй, слыша, замираль;
 Душа опвѣща не сыскала.

СВЯЩЕННИКЪ.

Заблудшй сынъ, оспановись!
 Творцу повѣря оскорбленье,
 Проси обиду и смирись,
 Вину накажешъ Провидѣнье.
 Ужели предъ лицемъ его
 Карашъ шы смѣешъ самовласпно,
 Когда при смершномъ же, несчастный,
 Молчишь, не смѣя ничего,
 Спрашася только брешной силы,
 Обидь и мимошшныхъ золь;
 А не спрашишь тебя прешоль

Возникшій за дверьми могилы!
 Размысли; въ муки безъ конца!
 Вошь приговоръ шебъ гошовый.
 А безконечность это слово
 Колеблеть варваровъ сердца.
 Довѣрь слезамъ моимъ неложнымъ
 И спарческій — прими совѣтъ:
 Проси съ великодушьемъ должнымъ,
 Изринь изъ сердца гордость . . .

АРКАДІЙ.

Нѣтъ,

Опецъ! съ душевнымъ умилениемъ
 Поклялся я у алтарей:
 Кшо слово скажешь съ непочтениемъ
 Про славу родины моей,
 Тому — онъ будь хоть мой родичель,
 Забывши дѣшскую любовь,
 Тому я буду смершнѣй мспичель,
 Пока пещешь по жиламъ кровь.
 И хочешь шы, чшобы презрѣнный
 Меня шакъ нагло оскорбилъ,

*

Чшобъ я къ землѣ не пригвоздилъ
 Сей шрупшъ, измѣной оскверненный?
 И такъ, молись — не успрашай!
 Рѣшился я. Пускай не ввиду
 Въ обѣщанный Всевышнимъ Рай.
 Я мщу народную обиду.
 Какъ Русской — не могу проспишь.
 Дозволь колѣна преклонишь
 И, приснуа съ мольбой къ свящынѣ,
 Сознаньемъ душу облегчишь!
 Внимай, въ чемъ грѣшенъ я донынѣ

Священникъ.

Всевышній! на сію главу
 Твои щедроты я зову.
 Спаси своею силой дивной,
 Когда безсиленъ я спаси,
 Щипомъ незримымъ опвраши
 Погибель сей главы невинной!

Вдругъ конскій шопощъ подъ окномъ:—
 Гонецъ Гардовскаго съ письмомъ.
 И Ташкинъ вслухъ прочелъ посланье:

»Я болтънъ, не имѣю силъ
Явиться къ мѣсту....«

ТАШКИНЪ.

Поспунилъ

Прелестно!.... Низкое созданье,
Царю и чesпи измѣнилъ!
Но эпо слишкомъ.... Гей! (*входятъ*
слуги) скорѣе
Донца! верхами всѣ за мной!....
Да взялъ нагаекъ. Ну, живѣе!
Прощай, Аркадій, — радъ душей.

Г Л А В А IX.

ХИТРОСТИ.

Жестокій человекъ! ты превзошелъ шу
силу, какая до сего времени дана была на
земль злодѣямъ, и превзошелъ ее для моей
погибеш.

Т а с с ъ.

Трещипъ въ каминъ огонекъ.
Гардовскій бросилъ съ сердцемъ книгу
И, быспро дернувъ за звонокъ,
Велѣлъ призвать къ себѣ Людвигу.
Въ полупрозрачномъ шушунѣ
Полячка рѣзвая явилась
И, при сверкающемъ огнѣ,
Къ Пану суровому склонилась
Съ преспушной нѣгой на плечо.

Г А Р Д О В С К І Й.

Привспань, Людвига, горячо
И шяжко мнѣ... цѣлуй нѣжнѣе...
Чшо жъ прежней жизни нѣшь въ успахъ?

Какъ шамъ шемно въ углу, въ цвѣсахъ!—

Зажги шамъ свѣчи поскорѣе...

Каминъ попухнешь, — дай огня.

Какъ ты похожа на Теару!

Спой что нибудь; возьми гишару;

Садись шѣснѣй возьмѣ меня,

Мнѣ что-то холодно, ужасно...

Дай мнѣ спаканъ, налей вина...

Людвиг! что ты шакъ блѣдна?

Не правда ль, спрашно здѣсь? Напрасно

Боишься ты... Моя любовь

Не разлучишь шебя со мною...

*(Людвигъ подаетъ Гардовскому
стаканъ краснаго вина.)*

Прочь, прочь, Людвиг! чоршь съ шобою!

Ты подаешь его мнѣ кровь... «

Такъ до разсвѣша бушевала

Возникшей совѣспи гроза;

Душа пресшупная алкала

Бесѣды хишраго Ксенза,

И вошь онъ входящъ.

КСЕНЗЪ (*неся чашу съ дарами и стклянку съ лекарствомъ.*)

Измѣнила

Надежда намъ. — Не унывай!...
 Моя рука не поразила;
 Но будь спокоенъ и внимай:
 Все мной успроено; съ разсвѣпомъ
 Михаль вручишь письмо *ему*,
 Чшо ты не будешь съ писполопомъ,
 И чшо причиною шому
 Болѣзнь. А самъ я здѣсь, съ дарами.
 И ежели нежданно, вдругъ
 Они сюда наскачушь сами
 И не признаюшь пвой недугъ,
 То не подспуняшся къ свящынѣ;
 Ты ею смѣло оградись:
 А мнѣ въ награду, — лишъ, опнынѣ,
 Будь нѣмъ о прошломъ. Пришворись,
 Тамъ кто-шо скачешъ по дорогѣ;
 Мнѣ разсмопрѣшь мѣщашъ даль.

Не предавайсь пусшой превогъ!
 Вошь близко... Эшо онъ, Михаль!
 Ну чшо? *(Входитъ Михаль.)*

МИХАЛЬ.

Озлились, словно волки,
 И мигомъ налепяшъ на насъ.
 У нихъ не длинны были шолки;
 Съдмашъ коней былъ данъ приказъ,
 Да взяшъ нагаекъ про запасъ.
 Вошь чшо-шо у лѣсу шуманно...

ГАРДОВСКІЙ.

Чшо дѣлашъ?

КСЕНЗЪ.

На перо, пиши
 Хопъ завѣщаніе души,
 Идущей въ край обвѣшований.

ГАРДОВСКІЙ.

Ксензъ! не смопри шы мнѣ въ глаза...
(Пишетъ, говоря)

По смерти все мое имѣнье
 Да будетъ собшвенность Ксенза.

ГАРДОВСКІЙ (*Бросаетъ перо*).
 (*Когда Гардовскій
 подписываетъ фа-
 милию, Ксензъ всы-
 паетъ въ лекар-
 ство ядъ*).

МИХАЛЬ

Скачупъ въ опдаленьи...

ГАРДОВСКІЙ. (*Ксензу*).

Яви жь усердіе свое!

КСЕНЗЪ.

Спрашись иль нѣшъ, я кончу дѣло.

(*Тихо*).

Теперь шы мой, — и все мое!

Оспалось бросишь въ землю шѣло.

(*Входитъ Ташкинъ. Михаль под-
 держиваетъ голову Гардовскаго;
 Ксензъ приближается къ нему
 и подаетъ лекарство.*)

Врачуй земнымъ лекарствомъ плоть,

Будь швердъ и вѣруй въ исцѣленье,

Но если нѣтъ — тебѣ Господь
Сей Чашей обѣщаль спасенье...

Ташкинъ (*Гардовскому*).

Ее приѣмили безъ шревогъ,
Я не нарушу покаянья.
Гардовскій!.... покараетъ Богъ
Обманъ, — не избѣжимъ свиданья!....
Вспомни, Ксензъ, ужасенъ адъ,
Его не пропекаюшь муки...

(*Уходитъ.*)

Ксензъ, (*озираясь*).

Ушелъ?... жжешъ... жжешъ... (*Бро-
саетъ стеклянку и ло-
жку съ лекарствомъ.*)

Мнѣ сводишь руки....

Въ нихъ ядъ проникнулъ... нѣтъ, не ядъ!
Клянусь, не ядъ... Чпо жъ за уловку?
Хищрѣй провеспи не знаю лзя ль!
Прощай, я боленъ весь... (*Уходитъ.*)

ГАРДОВСКІЙ.

Михаль!

Куда?

Михаль.

Попробовашь виншовку.

»Ужель по дерзоспный обманъ,
 Законовъ церкви оскорбленье?
 Какъ на шакое преспупленье
 Рѣшились—Ксензь и низкій Панъ?
 Ужель коварспвомъ безпримѣрнымъ
 Не возмушились ихъ сердца?«
 Такъ мыслилъ Ташкинъ, шагомъ вѣрнымъ
 Пущя сквозь темный лѣсъ Донца.
 Вдругъ громкій выпрѣлъ; слышны крики
 И вскорѣ судорожный спонъ.
 За нимъ раздался хохотъ дикій,
 И снова миръ со всѣхъ споронъ...
 Лишь коршунъ, смерши спражъ кры-
 лапый,
 Почуя близкій пиръ коспей,

Запрепешалъ въ глуши вълвей,
Взвился и, каркнувши прикрасы,
Низвергся молніи быспрѣй!

Г Л А В А X.

Толки.

Такъ разсуждашь они пустилися въ двоемъ
О всякой всячинѣ

Крыловъ.

»Гей, люди! живо, самовары!
Кричалъ знакомый нашъ гусарь,
Возспавъ опшъ сна послѣ обѣда.
За нимъ проснулся и Поэшь;
Вмигъ оживилася бесѣда,
И Ташкину прочтенъ куплепъ
На счешъ несбывшейся дуэли.
Еще Аркадй одалъ спалъ
И бредомъ сонъ перерывалъ.
Межъ шѣмъ спаканы зазвенѣли,
Благоухаешъ Маюконъ;
Блеснулъ Ямайскй ромъ въ графинъ,
И вошъ съ душистымъ чаемъ онъ
Уже играешъ въ половинъ,

А въ ссылкѣ сливки и лимонъ.
 Придвинувъ спульга къ самовару,
 Спѣшашъ пріапели зажечь
 Одинъ побакъ, другой сигару,
 И вопъ о чемъ заводяшъ рѣчь:

Ташкинъ.

Желалъ бы знашь я, что изворится
 У насъ, на берегахъ Невы?

Поэтъ.

Какъ и всегда, все суешишся
 Для блеска и пуспой молвы;
 Все пакъ же рядяшся дѣвицы,
 Опцы даюшъ дома въ залогъ,
 А машушки румяняшъ лица
 Да вносяшъ спленини въ кашалогъ;
 Съ мужьями розно рыщущъ жены,
 Гуляющъ до овѣшу мужья;
 У вдовъ живушъ компаніоны,
 Вербуюшъ богачей въ зяшья;
 Сынки мошающъ на бездѣлье,
 Акшрисы копяшъ капиталъ...

Ну словомъ, памъ—какъ свѣпъ назваль—
Идепъ споличное веселье.

Ташкинъ.

Давно ль ты принялся писашь
Сапиры злыя на сполицу?
Давно ли переспаль спрадашь?...
Я помню помную дѣвицу,
Черноволокую... Дивлюсь,
Что не вздыхаешь....

Поэтъ.

Объ Еленѣ?

Ахъ, другъ мой! въ паци дѣша вкусъ
Подверженъ сильной перемѣнѣ.
Любишь одну!.. Да что за цѣль
Любишь? ей-ей! умрешь со скуки;
Вздыхашь, когда пойдешь въ постель,
Да жашь легонько въ панцахъ руки —
И шолько... ужъ другой въ чуму
Попаль — идепъ Елена въ моду.
Герой, по слову одному,
Всегда гошовъ въ огонь и въ воду.

И вошь какъ надо обожать!

Ты знаешь, кто?

Ташкинъ.

Еще бѣ не знашь!

И что не женишь Ирановъ?

Поэтъ.

Да кто пойдешъ за бѣдняка?

Ташкинъ.

Вѣдь онъ изъ первыхъ Капищановъ,

А развѣ не дадутъ полка?

Онъ будешъ все имѣшь, безспорно,

Чудесно будешъ награжденъ...

Поэтъ.

Не вѣрю, брашь, — не гнешся онъ,

А счастье гордымъ не покорно.

Поклоны — вошь что любишь свѣшь!

И молвишь можно, хопъ краснѣя,

Опаснѣй зла въ подлунной нѣшь —

Когда не можешъ гнушься шея...

Да вошь, пожалуй, и куплешъ:

(Поётъ.)

Пролазъ къ вельможѣ вперся въ домъ,
 Его согнуласть быспро шея,
 Предъ всѣми спалъ онъ спускашь лбомъ
 И началъ съ перваго лакея.
 Пролазу счастье повезло!
 Спасибо шеѣ: взялъ все ею;
 Она свихнулась — что жъ за зло? —
 За то онъ въ милоспяхъ по шею.

Какой смѣшной чудакъ Дамонъ —
 Не можешь подшакнуть вельможѣ!
 Топъ хвалишь что ни будь, а онъ
 Кричишь: ни на что не похоже!
 Дамона спали знавъ на зло.
 Онъ только вздумалъ бышь смѣше;
 Глядишь, — анъ съ шеи не сошло,
 Его — ну только не по шеѣ!...

Ташкинъ.

Каковъ походный нашъ пѣвецъ!
 Ну, милый, просто — молодець!
 И спалъ въ шупикъ мой умъ гусарскій.
 Аркадй, слушай, Делаварскій!
 Вспавай что, болѣнь шы?

Аркадій.

Я слабъ —

И мнѣ досадно пѣнье ваше.

Ташкинъ.

Онъ злился на веселье наше!

Давно ль приспалъ къ причудамъ бабъ?

Выпавай сей часъ, — а по водою!

Ворчишь! — И вовсе не къ лицу....

Поэтъ.

Поди, не хочешь ли ромцу? —

Авось хандра пройдетъ съ побою.

Аркадій.

Три раза сряду милый сонъ!

Три раза мнѣ она являлась

И цѣловала, и ласкалась....

Скрываешься поздно, я влюбленъ,

Какъ только смертный вынесшь можешь!

Весь умъ слился въ мечшу объ ней;

Какой-то ядъ мнѣ сердце гложетъ;

Бунтуешь спрасъ въ груди моей

И нѣшь душъ успокоенья!

ТАШКИНЪ.

Эхъ полно! вѣрь мнѣ, всѣ мученья
Пройдущъ, какъ пѣна на винѣ.

ПОЭТЪ.

И шакъ же скоро.

ТАШКИНЪ.

Безъ сомнѣнья.

И до любви ли на войнѣ!
Тутъ часно радъ сухой соломѣ!....

(Поэту)

Что ешь жена, скажи ка мнѣ?

ПОЭТЪ.

Жена? — Живая мебель въ домѣ.

ТАШКИНЪ.

Вотъ у него учись судить,
Аркадй!

АРКАДЙ. (*По размышленію*).

Рѣшено, я ѣду.

ТАШКИНЪ.

Назадъ?

АРКАДІЙ.

Да.

Поэтъ.

Твердымъ должно бышь.

Коль нѣшь надежды на побѣду, —

Не мѣди вовсе опспуишь.

Г Л А В А XI.

О В Ъ Я С Н Е Н І Е .

Тебѣ фортуна благодѣшъ...

Не вѣрь, она гошовишь ковь.

Жуковскій.

Въ раздумьи шлжкомъ о быломъ,
 Сидѣла, молча, подъ окномъ
 Голубоокая Теара.
 Скапилось солнце за лѣса —
 И загорѣлись небеса.
 Багровымъ заревомъ пожара;
 Въ поля вечерній сумракъ палъ;
 Дневная спихнула превога
 И мѣрь, успалый; задремалъ,
 Какъ въ колыбели, въ длани Бога.
 Слиясь съ поляной дальный пушь,
 Куда умчался гость прелеспный;
 Свинцемъ тяжелымъ пала въ грудь
 Тоска къ Теарѣ; сердцу шѣсно;

Колебля юный умъ, мечны
 Знакомый образъ начерпали...
 Она, сей ангелъ красоты,
 Спыдася, бѣжипшъ своей печали...
 Клавипшъ касающа перспы, —
 И подь рукою бѣлоснѣжной
 Родился звукъ пропяжный, нѣжный
 Какъ первая любовь — и въ слѣдъ,
 Изъ уснъ, изъ сердца милой дѣвы
 Невольно вырвались напѣвы,
 Въ душъ оснавл бурный слѣдъ:

Р о м а н с ъ.

Гдѣ шы, минушпый постѣпашель,
 Чѣи въ сердцѣ врѣзаны чершы,
 Кшо возмушвлъ мою обипцель
 Чудеснымъ блескомъ красоты,
 Гдѣ шы?
 Гдѣ шы, кшо будшо сповидѣнье,
 Слешвлъ внезапно съ высоты,
 И вокругъ меня, лишь на мгновенье,
 Разсыпалъ счастья цвѣшы,
 Гдѣ шы?

Замолко спрастной дѣвы пѣнье;
 Но все въ ея воображеньѣ
 Ронлись сладкія мечпы;
 Опъ вздоховъ перси препенали,
 Съ рѣсницъ алмазы упадали,
 Уста шептали все: гдѣ пы?
 Тогда неслышимо, незримо
 Аркадій въ комнапу вспунилъ,
 И вдругъ какъ громомъ поразилъ
 Его предметъ богошворимый:
 Онъ видипъ слезы... А, друзья,
 По опыпу дознался я,
 Чпо слезы мысленькой, кокешки
 Какъ ядъ — оспры, какъ спрѣлы — мѣлжи,
 Опъ нихъ мужчины жди чумы!
 Какъ оскорбили бъ насъ ни больно —
 Но женской ужъ слезы довольно,
 Чнобъ виноваты были мы,
 Чнобъ правый гнѣвъ въ груди скончался,
 Чнобъ ревность спихнула въ крови,
 А здѣсь Аркадій повспрѣчался

Съ слезами истинной любви!
 Ему казалось, Ангель чистый
 Надъ грѣшницей землей рыдалъ,
 И въ каждой капль серебряной
 Елей блаженства низпадалъ.
 Влюбленный, молча, прелепалъ....
 Огнемъ небеснымъ распаленный,
 Хотѣлъ онъ пасшь, лобзашъ колѣны...
 Но мысль, что дѣва, можетъ бышь,
 Не имъ спрашна, не имъ вздыхала,
 Его какъ въ цѣпи заковала;
 Онъ переспалъ минушу жишь, —
 И встрѣпилъ грустный взглядъ пѣвицы.
 Она вздрогнула... Яркій цвѣтъ,
 Подобье розовой денницы,
 Ланищъ пуховыхъ — былъ привѣтъ
 И опущенныя рѣсницы.
 Нѣмая сцена: пѣжный взоръ
 Со взоромъ встрѣтитесь не смѣшъ;
 Она прелещешъ; онъ робѣшъ...
 И вопъ ихъ шайный разговоръ:

Аркадій.

Какъ счастливъ онъ, предметъ мечтаний!
Гдѣ ты?—Вы пѣли; кто же онъ?
Кто къ вамъ слѣпѣлъ, какъ сладкій сонъ?
Могу ль надвѣшья признанья?

Теара.

Аркадій!..»

Слезы, тяжкій вздохъ —
Опирьли ясно сердца муки,
Любовникъ пламенный у ногъ;
Ужъ онъ лобзаетъ жадно руки;
Ужъ дѣву жметъ къ груди своей.
Съ какимъ онъ жаромъ шепчетъ ей:
»Теара, ты моя! еще ли
Творецъ сулишь мнѣ будешь рай? —
Ужъ я доспигнулъ райской доли.
Всемилосердый Боже! дай
Перенеси порывъ блаженства!
Какъ сильно кровь во мнѣ кипитъ,
Когда сей ангелъ совершенства
Съ любовью въ очи мнѣ глядитъ!

Теара! преклони колѣна,
 Дай руку — и молись со мной.

ТЕАРА.

Благодарю Творца — шы мой!

АРКАДІЙ.

Твой, швой до гроба, безъ измѣны.

Теара, свѣшель Божій мірь!

Я проклиналъ судьбу напрасно,

Она дала душѣ кумирь, —

Дала пѣбя, мой другъ прекрасный!

Забывъ я муки прежнихъ дней;

Забыло горе, козни свѣша!

И, мнился, жизнь въ груди моей

Твоею жизнію согрѣша!

Казалось, поцѣлуй съ шобой

Насъ слилъ въ одно существованье!

Мнѣ будешь волею свяшой

Твое единое желанье;

Тобой мнѣ сильно доказаль

Небесный Царь свое всевластье:

Къ швоимъ онъ взорамъ прикивалъ.

Мое воскреснувшее счастье.
 Я безъ родителей скучалъ, —
 Благословляю ихъ пошерю!
 Тогда бѣ, прелестный другъ, не вѣрю,
 Чшобъ сердца я не раздѣлялъ
 Между тобой и между ними;
 Тогда бѣ любовь я оскорбилъ,
 Бышь можешь, чувсшвами святыми.
 Теперь весь швой; и ни на часъ.
 Не разлучусь съ тобой мечтами.
 Пусшь пеленаешь счастье насъ
 Своими пышными дѣшпами!
 Пусшь будешь цѣлый вѣкъ — восшоргъ
 И цѣпь небссныхъ наслажденій;
 Пускай суровый смерти геній
 Меня найдешь у эшихъ ногъ
 И съ шюю жѣ кляшвой, съ шѣмъ же жаромъ
 И съ шѣмъ же пламенѣмъ въ очахъ!
 И пусшь косы его размахъ
 Сражаетъ насъ однимъ ударомъ,
 Чшобъ въ жизни ни шебъ, ни мнѣ

Не вѣдашь слезъ, не знаешь разлуки.
 Да свяжешь кляшва наши руки —
 И я блаженствую вполне!

ТЕАРА.

Какъ ты достигъ, какъ разгадалъ,
 Чего душа моя желала!
 Какъ сильно ты пересказалъ
 Все то, что я бь себя сказала!
 Аркадій! сердцемъ я шволя;
 Но я рукъ назначу цѣну:
 Сними свой мечъ — и вопль въ замѣну
 Тебѣ на вѣкъ рука моя.
 Забудь вражду — Поляки правы;
 Ты не сражайся пропивъ ихъ!
 И мнѣ не надо лучшей славы, —
 Когда, въ объятіяхъ своихъ,
 Хошь одного обезоружу.
 Останься здѣсь, молю, будь мой!
 И я, повѣрь, не обнаружу
 Тебя предъ Русскими....

Аркадій.

Пустой

Надеждой сильно я прельсился;
 Но вижу пропасть подь собой —
 И счастья свѣшь на вѣкъ зашмилел!
 Ты посягнушь на честь могла?
 Ужь лучше бь жизни ты просила —
 И руку мнѣ въ замѣнъ дала!
 Иль ты, жестокая, забыла —
 Чшо Русскій сердцемъ и душей
 Теперь бесѣдуешь съ шобой;
 Чшо онъ за блага всей вселенной,
 И даже за любовь швою
 Не выдасшь родину свою,
 Не прогнѣвишь Царя измѣной!
 Но щещно рѣчи распочашь
 Передь шобой, передь дешкою!
 Крещясь, цѣлую рукояшь!
 Я пренебрегъ швоей рукою, —
 Теперь ты можешь продолжашь.

ТЕАРА.

Такъ! я дышя; но въ дѣшской груди
 Любовь къ опечесиву кипишъ,
 И про меня не скажушъ люди:
 „Она лишь землю шягопишъ!“
 Ты овладѣль, къ несчастью, мною;
 Но врагъ опечесива — мой врагъ,
 Ему я жершвую шобою!
 Повѣрь, мнѣ ни одинъ Полякъ
 Не можешъ сдѣлашъ укоризны: —
 Все, все, што полько я могла,
 Давно ужъ въ жершву принесла
 Для славы Польши, для опчизны,
 Я принесла на жершву ей:
 Роскошные дары полей,
 Спада, подвалы вѣковые
 И ожерелья дорогія!
 И мной въ Варшаву, наконецъ,
 Опосланъ не одинъ ларецъ,
 Исполненный сребра и злата!
 Я въ жершву принесла войнѣ:

Покой души, отца и брата.
 И если бь нужно было мнѣ
 Самой съ пуховаго дивана
 Переселишься на коня, —
 Кто бь удержалъ тогда меня?
 Примѣръ мнѣ — двѣ Орлеана.
 Явлюся средь роднаго снана —
 И кто не бросишь за мной,
 Когда на битву, съ Поляками,
 Рожденная владѣшь иглой, —
 Пойдешь съ оружьемъ предъ рядами?

Аркадій.

Твоя душа, какъ воскъ, мягка,
 А ею правишь вождь опасный.
 Не довѣрай! — Его рука
 Ведя себя къ бѣдѣ ужасной,
 Мечшой несбыточной манишь.
 Кто бь ни былъ оцъ — его не знаю —
 Но онъ злодѣй. Я предрекаю,
 Удѣлъ пшой будешь — смерть и стыды!
 Пылаешь ты враждой къ Россіи,

Къ чему и на какой конецъ? —
 Скажи, ужели мы чужин
 И не одинъ у насъ Опець?
 За что жъ поспорились дѣши?
 Краснѣй за Польшу — вѣчень срамъ!
 Какъ шы, весь край попался въ сѣпи;
 Но все возможно Подлкамъ
 И родины шовой предѣлы
 Я бѣ огненной рѣкой обвелъ,
 Чшобъ родъ, въ измѣнахъ закоснѣдѣй,
 За эту грань не перешель;
 Пуспъ онъ, подъ грудой пецла пѣдѣя,
 Пишаешъ бужныя мечшы,
 О крови ближнихъ не жаждѣя

ТЕАРА.

Ужель и я?

АРКАДІЙ.

И ны, и шы

Бѣгу, проспи, чшо сердцу мило!

Ахъ, злополучное, оно

Не для одной любви дано —

Оно *Отца* не позабыло.

Г Л А В А XII.

КОРЧМА.

... Куда меня забросила судьба?

Грибоедовъ.

Въ корчмѣ Жидовской, на сполѣ,
 Пылаешъ смрадная лампада,
 И шускло свѣшился въ спекль,
 Толпы пирующей услада,
 Спасенье опъ холеры злой —
 Наспой польвинный, спиршовой.
 Вокругъ него сядяшъ гуляки,
 Кпо на скамьѣ, кпо на полу;
 Бока наперли имъ биваки,
 Всѣ рады шеплому углу.
 Жеспянка ходишъ по сполу;
 Рахиль нацѣживаешъ пиво;
 Израиль мѣломъ на спѣнѣ
 Свой щепикъ мѣшишъ молчаливо;
 Храпишъ Жиденокъ въ споронѣ,

Накрытый смрадною периной;
 Вблизи, съ почтительностью чинной,
 Лежишь, какъ спражи сонной рядъ,
 Запасъ барановъ и пеляшъ.
 Но вопшь, шума, вспаешъ бесѣда;
 Наспойка мигомъ налиша;
 Высоко чарка подияша;
 Всѣ закричали: »намъ побѣда—
 Москалямъ гибель и позоръ!
 Тупъ прогремѣлъ любимый хоръ:

*»Еще Польша не сгинела,
 Кеды мы жиемы!»*

И снова начашъ разговоръ.

Академикъ.

Прославимъ мы согласнымъ кликомъ
 Часы свободы золошой,
 И налешимъ, въ весельи дикомъ,
 На припѣснищелей толпой!
 Уже спекаюшся, какъ пучи,
 Обиды мспищели въ ряды,
 Какъ громъ, разишь ихъ мечъ могучій

531488В

И Русских трупы — ихъ слѣды!
 Вы все охотно прогнѣвали
 На славу бранную покой;
 Одушевленные войной,
 Съ презрѣнемъ плуги побросали.
 Нѣтъ ружей съ вами — косы взяли,
 И ими справился Полякъ!
 Не такъ ли, нашъ поваричъ милый,
 Скажи, Дашкевичъ?

Кракусъ.

Нѣтъ, не такъ!

Меня въ солдапы взяли силой.
 Мой Панъ со мною былъ суровъ:
 Призвалъ меня — и, безъ привѣща,
 Влѣпилъ полсопни *бизуновъ* (*).
 Попомъ попребовалъ опивѣща;
 И я сказалъ, что я гошовъ!
 Велѣлъ мнѣ клясться онъ, проклятый,
 Обшилъ кафшанъ мой въ галуны —

(*) Клушьевъ.

И я солдатъ! — Но жаль мнѣ ханы
И молодой своей жены.

АКАДЕМИКЪ.

Ты через-чуръ хлебнулъ наспою.
Жаль ханы, да жены — чудакъ!

(Кассионеру)

Вошь ты, шакъ бредилъ, чай, войною?
Тебя не гнали плешью къ бою,
Не по его, брашъ?

КАССИОНЕРЪ.

Да, не шакъ:

• Меня связали, какъ къ допросу,
Да писполешъ уперли въ лобъ;
Я думалъ: лучше въ бой, чѣмъ въ гробъ —
Рѣшилъся. — Дали въ руки косу,
И вошь опиравили съ шобой.
Ты мнѣ пвердишь о нашей славъ,
А, кажешся, совсѣмъ не шо....
Все вздоръ; и драшся намъ на что?

АКАДЕМИКЪ.

Дай срокъ, увидишь самъ въ Варшавѣ:

Спо Генераловъ въ плѣнъ взято!

(Юнкеру.)

А вы, съ ружьемъ, конечно волей?

ЮНКЕРЪ.

Да, мнѣ соскучилося въ Школѣ
Зѣвашь надъ грифельной доской;
Меня свободой подспрекнули,
Мечшами сердце разожгли,
И я былъ радъ, что принесли,
На мѣсто черствыхъ булокъ, — пули.

ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЛОНТЕРЪ.

Фу done! по моему, мяшежь
Не что иное, какъ забава;
Худая ль, добрая ли слава,
Права другія, или нѣтъ жь
Пошомъ наспанушь — что за дѣло!
Людей бездѣйствіе поминь;
Топъ просно глупъ, кто не шуминь;
Дерись, пока не надоѣло!
Какой спектакль для всѣхъ державъ;
Рѣзня, законовъ перемѣны,

Примѣры мужества, измѣны...

Судише строго — и я правъ:

Бышь скромнымъ — въ глупости со-
знашься,

Ошъ мирной жизни я бѣжалъ —

И ошъ души гошовъ обняшься

Съ любимъ, кшо шолько либераль!

Академикъ (*молодому офи-
церу*).

Вы намъ скажише ваше мнѣнье!

Вашъ взоръ меня очароваль;

Я прочишалъ въ немъ къ славъ рвенье.

Не правъ ли я?

ОФИЦЕРЪ.

Смѣшной вопросъ!

Мнѣ рокъ иной былъ данъ судьбою;

Но гласъ опчизны перенесъ

Сюда, гдѣ дышишь все войною.

Въ изгибы сердца мнѣ проникъ

Призывъ ко славъ и свободѣ.

Возспаль упавшій духъ въ народъ!

Мой край родной опгь сна возникъ,
 Чшобъ раздробить свои оковы.
 Пускай все дьщущее въ немъ
 Идепъ на пиръ мечей суровый
 Съ косою, кинжаломъ и ножемъ,
 Чьмъ шолько поразить возможно!
 Тогда, клянуся вамъ, не ложно
 Свободы свѣшочъ намъ блестяль —
 Нашъ край до цѣли досягнуль!

АКАДЕМИКЪ.

Мой братель по сердцу! пей за славу
 Своей опчизны дорогой!
 Не пьешь?

ОФИЦЕРЪ.

Мнѣ вредно.

АКАДЕМИКЪ.

Дай съ тобой

Поцѣловашься мнѣ, по праву
 Священной дружбы! Ты бѣжишь
 Моихъ объятій? дай мнѣ руку,
 Ты мнѣ пожашьемъ усладишь

Съ моими ближними разлуку.
 Какая жизнь въ твоихъ перспяхъ!
 Но что? на нихъ горящъ алмазы!
 Спыдишься ты... слеза въ очахъ...
 Любовь? ... Спрашисъ ея заразы!
 Ты юнъ, блестящъ какъ божество,
 Ты самъ достоинъ поклоненій,
 Предъ кѣмъ склонятъ шебъ колѣни?
 Тебѣ на долю поржество!
 Почему жъ, краснѣя, ты вдымаешь?
 Какъ спранно поднялася грудь...
 Раскрой мнѣ сердце—и не будь
 Со мной засмѣнчивъ — ты спрадаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Спрадаю... (*ополкъся*) шольно... головой,
 Не сердцемъ — воздухъ здѣсь гнилой...
 Меня жъ воспитывала мѣня,
 На ложѣ убранномъ парчей;
 Покровъ мой былъ бѣлье снѣга;
 Цвѣли ясины надо мной,
 Во шемъ ночей благоухая;

И не привыкла грудь младая
Къ моей одеждѣ боевой.

Израиль (*кричитъ*).

Гавадъ! Козацы... (*)

Академикъ, (*Прислушиваясь*).

Топочѣ съ поля...

Друзья — нѣтъ плѣна!... Всѣ за мной!

(*Израиль, Академикъ и Французскій Волонтеръ убѣгаютъ, прочіе остаются неподвижными.*)

Офицеръ. (*становясь на колѣни.*)

Я гибну — неизбежна доля...

Небесный Царь! пронись мольбой,

Не дай ругаться сиротой!

Вели, — и сильные какъ классы

(*) По жидовски: гевадъ — бѣда! Польскіе Жиды, большею частію, говорятъ по-Русски и по-Польски очень дурно и весьма схоже, а по сему я и допустилъ здѣсь ломанный языкъ.

Предъ слабой дѣвою падушъ

*(Израиль вбѣгаетъ—и всѣ, па-
дала на колѣни, кричатъ).*

Змилуйся! пардонъ!

ИЗРАИЛЬ:

Не бойпезь, насы!

Прочь зъ ханы, заразъ бензе шущъ

Наияснѣйсій панъ Гардовскій.

ТЕАРА.

Гардовскій . . . Боже! . . . слушай, Жидъ . . .

ИЗРАИЛЬ.

Нѣ часу — недосугъ церповскій.

ТЕАРА *(показывая на бо-
ковыя двери).*

Чшо шущъ?

ИЗРАИЛЬ.

Моя Ревекка зпипъ.

ТЕАРА.

Впусти меня!

ИЗРАИЛЬ

Не можно.

ТЕАРА

Пашу

Тебѣ неслыханную дамь, —

Впусти!

ИЗРАИЛЬ.

Не можно.

ТЕАРА.

Дай мнѣ хащу

Особую!

ИЗРАИЛЬ (*хочетъ уйти*).

Мнѣ, цасъ къ Панамь.

ТЕАРА, (*удержавъ его*).

Впусти жь!

ИЗРАИЛЬ.

Не можно, и не можно!

ТЕАРА.

Вопъ кошелекъ — иль будешь поздно...

Бери дукашы — и рѣшишь!

Не шо, проклятый, берегись —

Осперь кинжалъ мой...

Израиль, (оглядя черемцы).

Можно, можно.

(Отворя Театръ боковойя двери)

Замкни зъ ...

Театра, (уходя).

Смотри жь пы, ни ногой!

Израиль.

Ходзь прензе, цурва барзо ладна (*).

Гардовскій (входя съ Ми-
халемъ и Вах-
мистромъ).

Михаэль, жалата не парадна!

Михаэль.

Ужъ весь Жидовскій родъ ливной, —
Живушъ въ болениъ, словно черни.

Гардовскій:

Пусшъ ихъ — не вѣтъ здѣсь, вѣковашъ!

Покоя мигъ — и вновь искапъ

Идемъ Театры, или смерши.

(Вахмистру)

Вели развѣочишъ лошадей;

(*) Входи скорѣе, дочь очень хороша.

Пусть разведутъ огни для каши;
 Дай всѣмъ покой, кругомъ все наши —
 Мы безопасны. (*Михалю*). Ты скорѣй
 Приди сюда; мнѣ грустно чпо-шо,
 Сосежь мнѣ сердце, какъ змѣя,
 Любовь .. и вмѣстѣ—спражь, забота. . . .
 Брось пущь соломы, лягу я. . . .
 Придя, ложись со мною рядомъ!

(*Михалъ и Вахмистръ уходятъ*).

Михалъ! ушелъ . . . когда бъ я могъ .
 Насыпишься прелесными взглядомъ!
 Или, хопь слѣдъ прелесныхъ ногъ
 Облобызашь . . . Нѣшъ, нѣшъ! не любишь
 Она, рѣшилась презирашь . . .
 Я ей прошивень. Будемъ ждашь,
 Ребенокъ! кто кого погубишь,
 Кому надъ кѣмъ поржесничовашь!

ТЕАРА (*прислушиваясь,
 въ своей комнатѣ*).

Онъ чпо-шо шепчетъ . . . онъ зашихъ. . .
 Благодарю, всещедрый Боже!

Опвелъ пы сонмъ напаспей злыхъ . . .

(Смотритъ на спящую Ревекку.)

Какъ безмятежно эпо ложе!

Ни что не возмущаетъ сна!

Озарена улыбкой ясной,

Вполнѣ покоишся она;

Нѣшь бурь въ душѣ ея прекрасной;

Въ невинномъ сердцѣ шипина;

Дыханье ровно; о, Ревекка!

Какъ мнѣ завиденъ эпошь сонъ!

Какъ безъ сравненья выше онъ

Всѣхъ благъ сей жизни челоука! . . .

Тоска и боль въ груди моей;

На ней, какъ плжкія оковы,

Гнепя, лежишь нарядъ суровый.

(Разстегиваетъ мундиръ.)

Какія полосы по ней

И вопшь пробилась кровь мѣспами!

Мужайся слабая душа,

Опчизны славою дыша, —

Твой вздохъ услышанъ небесами!

Я ожила! . . . и надо мной
 Просперъ крыль свои покой
 Мечпа распалася съ заботой,
 Тревога въ сердцѣ замерла,
 Глаза смыкаюпся дремошой . . .
 Мой край родной! я ожила . . .

*(Засертывается въ
 плащъ и вскорть за-
 сыпаетъ).*

РЕВЕККА, *(пробудясь).*

Свѣплю и шихо — чпо за чудо?
 А ужь давно наспала ночь.
 Да гдѣ же мапшь моя? знашь худо —
 Ушла, одну покинувъ дочь!
 Не даромъ снился кладъ огромный . .
 Ты, Юзель? . . . вспань, поди ко мнѣ! . .
(Подходя къ Теартъ).
 Полякъ . . . Со мной на единь! . .
 Военный . . . Ахъ какой онъ скромный!
 Дверь заперша! . . Какъ все поняшь?
(Отворя двери въ корьму).
 Кпо шупъ?

МИХАЛЬ.

Жидовочка — какъ мило!...

(Схватываетъ ее.)

РЕВЕККА.

Ай!

МИХАЛЬ. *(Зажимая ей ротъ.)*

Тсъ! шипше, глупая, молчашь!
Не бойсь, не поцѣлую силой...

РЕВЕККА.

Ахъ, гдѣ отецъ мой, машь?

МИХАЛЬ.

Всѣ спяшь.

(Цѣлуетъ ее.)

Чшо за губенки!... какъ я радъ!

Ты мнѣ шперь дороже клада...

Посшой, мѣшаешъ намъ лампада...

(Гаситъ лампаду.)

РЕВЕККА.

Ай, ай! гевальдъ!...

ГАРДОВСКІЙ, (*вскакивая*).

Кто здѣсь? Михаль!

МИХАЛЬ.

Да вошь сюда, на счастье ваше,

Влепѣла ппичка — и едваль

Ея Людвига наша краше!

Ее оспавишь право жаль:

Все прелестъ — глазки, губки, лѣпа....

(*Ведетъ ее къ свѣту*).

ГАРДОВСКІЙ, (*увидя спящую
Теару*).

Кто это спишь?

РЕВЕККА

Военный, вашъ ..

ГАРДОВСКІЙ.

Твоей постели, до разсвѣша,

Безсмѣнный и надежный спражь?..“

Вошь онъ идешъ, едва спупая;

Уже Теары онъ доспигъ;

Взглянулъ — Жидовка молодая

И цѣлый міръ — забышы въ мигъ.

Онъ каменѣеть, рдѣюпъ щеки;
 Глаза, какъ угль, раскалены;
 Зашевелилися пороки
 На днѣ сердечной глубины.
 Надъ слабой жертвой цѣпенѣя,
 Какъ ядовишая змѣя,
 Онъ медлитъ; замеръ духъ злодѣя...
 Языкъ лепечеть: »Ты моя!
 Посмотримъ, что опвѣпишь мнѣ шы,
 И будешь ли горда шеперь?
 Михаль! подай мнѣ писполошпы,
 Заколоти кинжаломъ дверь!«

Михаль подслушалъ:—крикъ испуга,
 Пошомъ, сквозь шеполгъ, имена —
 Любви, опчаянья и друга....
 Его душа поражена;
 Онъ онѣмѣлъ — и спалъ вниманье:
 Вошъ щелкнулъ два раза курокъ —
 И снова мершвое молчанье!..
 Вошъ—легкій шорохъ... злой упрекъ...
 Призывъ Творца, моленье, слезы

И крикъ, прервавшій разговоръ:
»Гардовскій, извергъ! безъ угрозы
Спрѣлай — могила не позоръ!—
Но шрепещи небесной Кары....«

Вахмистръ, (*вбѣгал*).

Бѣда! погибли! Гдѣ Маюры? —
Насъ рѣжущъ Русскіе гусары...

Г Л А В А XIII.

ВЕСНА НА БУГЪ

Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылым.

Жуковскій.

Свѣсило полудня, какъ шаръ золошой,
Въ лучахъ благошворныхъ горипць надъ
землей;

Природа явилась въ зеленой порфирѣ,
Изъ розъ благовонныхъ надѣла вѣнецъ.
Все жизнью новой красуется въ міръ!
Безумолку свещепць дубравный пѣвецъ,
Чаруя окреслность мелодіей чудной;
Луга засмѣялись; сребрился пошокъ;
И рѣзвый, долины жилецъ, мопылекъ
Кружился въ эфиръ, какъ лиспць изум-
рудный.

Не улыбнулся онъ веснѣ,
Поклонникъ спраспи безнадежной!
Съ поскою любви, безъ дружбы нѣжной,

Аркадій мучился вполнѣ.
 Одинъ сидя на брегѣ Буга,
 Съ какой онъ жаждою желалъ
 Обнять любовницу, иль друга!
 Онъ въ шайнѣ слезы проливалъ;
 Но вмѣсто дружнаго призванья —
 Тревожилъ воздухъ пули свистъ,
 И шрепешалъ весенній листъ —
 На мѣсто персей шрепешанья.
 А, между шѣмъ, вокругъ съ шпремнинъ
 Неслись воиншвенные клики, —
 Пришелъ безсмѣнный спражъ владыки
 Пришелъ Россіи мощный сынъ,
 (Ведомый дланью Михаила),
 Надъ чьей шоржешвенной главой
 Подъ Кульмомъ слава воспарила
 Непогасаемой звѣздой;
 Кшо льва грознѣй, смиренъ какъ дѣва,
 И кшо могучъ, какъ полу-богъ.
 Теперь спрашилищемъ онъ легъ,
 Съ ушесовъ Нура до Нарева,

Подвергшись шагоспнымъ прудамъ,
 Предшекшимъ бранному веселью:
 Болоша сдѣлались поспелью,
 А кровы — снѣдо конямъ. (*)
 Согдашь на мигъ не зналъ покоя;
 Въ полдневный жаръ и въ хладъ ночной,
 Какъ неизмѣнный часовой,
 Онъ выжидалъ минуны боя;
 Гнеда успалось молодца!
 И все молчалъ перунъ сражений!
 Безвѣспность, медленность движеній
 Томили храбрыя сердца.
 Какъ вдругъ небесной пышки мѣра
 Предѣлъ перпѣнья перешла:
 Въ рядахъ спрашилищемъ пошла
 Огневолосая холера.
 Тогда ярмо нежданныхъ золь
 Дѣлишь съ учасіемъ пришелъ

(*) Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, лошади
 пѣхошныхъ офицеровъ кормились одною почер-
 нѣвшею соломой съ крышъ, оставленныхъ жи-
 шелями, хижинъ.

Великодушный брата Владыки;
 Войскамъ явя примѣръ собой,
 Онъ пребылъ весель подъ грозой —
 Не возмутился духъ великій!
 Съ Его высокаго чела,
 Какъ лучъ денницы благошворной,
 Улыбка въ войски перешла —
 И обезсилѣлъ ядъ плешворный.

Межъ шѣмъ мяшежниковъ соборъ
 Скржинецкій велъ желѣзной дланью:
 Веревка, пуля и попоръ —
 За ропощъ были скорой данью!
 Онъ предалъ войско испязанью
 Болѣзни, голоду, дождю,
 Преша съ опчаяньемъ гигантскимъ
 Порфиродному вождю
 Соединишься съ Забалканскимъ.
 И вдругъ, свирѣпыхъ волнъ быспрѣй,
 Помчался онъ на пораженъе —
 Исчезли наши, какъ видѣнье,
 А пылъ зардѣлся онъ огней:

Фельдмаршалъ грозно двинуль спрои
Враговъ опважныхъ по пашамъ.
Воскресли Русскіе герои —
Наспалъ желанный пиръ шшыкамъ!
И вскорѣ бичъ Спамбула руку
Царя хранишелямъ пожалъ,
И съ ними долгую разлуку
Кровавой прѣй запировалъ.

Г Л А В А XIV.

Остроленскій бой.

Представь послѣдній день природы:

Что пролилася звѣздъ рѣка.

Державинъ,

Съ полей бѣжишь ночная шѣнь,
 Дымящая хладные шуманы,
 Взощель на холмы новый день.
 Свѣшило дня, какъ щипъ багряный,
 Возсало съ огненной рѣки.
 Сверкають сабли и шпыки;
 Пуспѣють шумные биваки.
 Спрашиве пучи громовой,
 Герои двинулись на бой
 И каждый жаждешъ смертной драки.
 Усталосшь бросивъ у коспра,
 Воскреснулъ воинъ передъ бишвой;
 Онъ, — освѣжа успа молишвой
 И крикомъ радоспнымъ: ура!

Идешь на смерть, не зная страха;
Его могучая рука
Не посрамишь во вѣкъ шпыка, —
Не дася невѣрнаго размаха!

Вскипѣла битва. Лѣсъ и градъ (*)
Предъ мужествомъ Россіянъ пали!
Пылающъ дома — но сквозь адъ
Они безспрашно пробѣжали
И спали подъ свинцовый градъ.

О воинъ Русскій, слава Трона,
Покой опечесива и щипъ!
Твоимъ могуществомъ разбишь
Кровавый шронъ Наполеона;
Еще младенцемъ, при Донскомъ,
Ты свергнулъ рабскія оковы;
Весь міръ Полтавскій слышалъ громъ,
Когда съ божественнымъ Петромъ
Ты пожиналъ лѣса лавровы;

(*) Остроленка.

Твой мечъ какихъ не знаешь спранъ?
 Спамбуль, Кавказъ и Тагеранъ
 Его ударовъ препенали
 И, ихъ поспигнувъ наконецъ,
 Тебъ поржеспвенный вѣнецъ
 Рукой зависпливой сплепали.

Чрезъ грудь широкую полей,
 Чернѣе мрачной полуночи,
 И вранова крыла чернѣй,
 Ползешъ споглавый, спрашный змѣй,
 Кого обняшь не можешь очи.
 Тебя онъ, Русь, зовешъ на бой —
 За шо ль, что пы его согрѣла?
 Подъ благошворной шеплошой
 Поспѣшно злая желчь созрѣла
 На ядовишомъ языкѣ —
 И пролилася въ грудь родную.
 О Россъ! карай измѣну злую,
 Карай — швой мечъ въ швоей рукѣ!

Отверзся адъ. Запрепенала
 Земля. Покрылася дымомъ швердъ.

Сраженныхъ спонъ и спонъ мешалла —
 И шамъ и здѣсь. Повсюду мѣдь
 Рыгаешъ пламя. Всюду мершвый...
 Чугунъ и кровь — дорога. Смерть,
 Считая тысячами жершвы,
 Изнемогаешъ. . . . Наконецъ —
 На гудахъ пѣль она возспала,
 Надѣла изъ коспей вѣнецъ
 И въ радости захохотала.
 Таковъ былъ мигъ, когда Герой, (*)
 Спо-кратно славою покрышый,
 Пошелъ привычною спопой
 Свершипъ свой подвигъ знаменишый.
 Герой, кого Наполеонъ
 Позналъ при Бородинской сѣчѣ,
 Чѣе имя носилъся далече. . . .
 Въ сей мигъ явился снова онъ:
 Все топъ же въ спарцѣ духъ геройской!
 Къ опчизнѣ вѣрносшью горя,

(*) Генералъ-Адъютантъ Биспромъ.

Онъ смѣло именовъ Царя
Одушевляешъ къ бившѣ войско.
И вошь уже, какъ Божій гнѣвъ,
Помчались спрои за Наревъ —
Какая сила не земная!
Иль Ангель знамя ихъ понесъ?
Нѣшь, — съ сонмѣ храбрыхъ роздалось
Святое имя Николая.

Г Л А В А XV.

Н о ч ь , п о с л ь б о я .

Какъ пальма смятая грозою,
Поникла юной головою!

П у ш к и н ь .

Сердито волны въ берегъ бьютъ.
 Какъ спадо черныхъ врановъ, шути
 По небу сѣрому плывутъ;
 Деревья клонитъ въшрѣ могучій,
 Скрыпящъ свидѣтели вѣковъ,
 Вцѣпясь въ зыбучій брегъ корнями;
 Туманъ надъ высями холмовъ
 Лежитъ, какъ саванъ надъ гробами;
 Но вскорѣ ночи бурной мгла
 И твердь, и землю залила
 И озарилася коспрами.

Какъ ненависпенъ видъ людей,
 Какъ оскорбительно участие
 Тому, кто зашайлъ несчасье
 Въ груди измученной своей!

Аркадій мраченъ. Ужась боя
 Надъ нимъ безвредно пролепѣлъ;
 Кляня жеспокій свой удѣлъ,
 Онъ чуждъ воспорговъ и покоя!
 Безъ цѣли, медленной спопой,
 Опъ шумной, радоспной бесѣды
 Лихихъ учаспниковъ побѣды,
 Идешъ онъ, молча, въ лѣсъ гуспой.
 Мечша ее изображаешъ —
 И сердце крѣпче жмешъ поспа...
 Но вопъ спрадальца развлекаешъ
 Веселый голосъ казака:

К А З А Ц К А Я П Ъ С Н Я .

Въсперь въ полѣ завываешъ,
 Защоплешъ дождемъ бивакъ;
 Но усталоспи не знаешъ
 Русской ухарской казакъ.

О щеплѣ онъ не хлопчешъ
 И забошъ съ нимъ въ полѣ пѣшъ;
 Одного онъ шолько хочешъ:
 Вспрѣшпшъ вражескій пикешъ.

И не разъ , какъ коршунъ дикой ,
 На враговъ я налешалъ,
 И своей завѣшпой пикой
 Ребра Польскія считалъ!

Но одну я помню стѣчу ,
 Гдѣ нашъ храбрый эскадронтъ,
 Полешя врагамъ на встрѣчу ,
 Былъ спѣсненъ со всѣхъ споронъ.

Я тогда рванулся къ бою,
 Къ кляшвѣ вѣрносшью горя,
 И ссадилъ своей рукою
 Трехъ измѣнниковъ Царя.

На конѣ безспрашномъ, быспромъ
 Я сквозь пламень пролешылъ —
 И за по самъ храбрый Биспромъ
 Мнѣ Георгія надѣлъ.

Надѣвая, шроекратно
 Онъ меня поцѣловалъ.
 Въ эпошъ мигъ, душѣ пріятный,
 Самъ заплакалъ Генералъ —

И, среди дикой дружины,
 Смѣлымъ вѣспникомъ добра,
 Онъ, ошкрывъ свои сѣдины,
 Закричалъ Царю: Ура!

Помню эшошь девъ священный;
 Долго помвишься ему!
 А за крестъ свой драгоцѣнный
 Генеральства не возьму!

Слѣдя за голосомъ, глубоко
 Ушелъ Аркадiй въ темный боръ...
 И вдругъ онъ слышишь, не далеко,
 Солдапскiй грубый разговоръ:

1-й Солдатеь.

Ну что, ходилъ ты въ эшу хапу?

2-й солдатеь.

Ходилъ, да мало проку въ помъ!
 Голо, братъ! Русскому солдапу
 Не поживишься щей горшкомъ.
 Послѣ Поляковъ взяшки гладки! —
 Не много оспавляюшь намъ,
 Хопъ упекаюшь безъ оглядки.

1-й солдатеь.

Да что жъ ворочался ты памъ?

2-й солдатеь.

Земляжъ, послушай! чудно что-то:

Тамъ былъ спарикъ — и далъ спрѣчка...
 Чшо ни полкуй, мнѣ Полячка
 Подцапишь смершная охопа!
 Я радъ божишься хопь, чшо онъ
 Мошенникъ; проспо — онъ шпiонъ;
 Ихъ цѣлыя гуляюшь шайки.
 Ужь полько бѣ удалоса мнѣ
 Узоры вывеспъ на спинѣ,
 Не осрамлю своей нагайки!

1-й солдатъ.

Ну, маршъ! — Пора и опдохнушь.

2-й солдатъ.

Еще шамъ раненый мальчишка,
 Признашься, я хопѣлъ кольнушь,
 Да спрахъ не мудрый Полячишка.
 И шо ему не долго жишь:
 То поворошишь, шо охнешь....

1-й солдатъ.

Чорпъ съ нимъ, пускай его издохнешь.
 Безмозглый, — вздумалъ Русскихъ бишь!!

*

2-й солдатъ.

Вѣспимо, Богъ съ нимъ бышь не можешъ !
 Да и подумашь - шо грѣшно !
 За шо, брашъ, какъ его корежишь
 Лукавый! — право пресмѣшно!
 Кого-то кличешъ все... Посшой-ка,
 Какъ бишь зовушь ... Да звали какъ
 Попа, что славная наспойка? ...
 Ты попадью пащилъ въ оврагъ,
 Едва фельдфебеля не вздули ...
 Ну, помнишь? ... Чупь мы улизнули! ...

1-й Солдатъ.

Какъ-бишь его! — Аркадй?

2-й солдатъ.

Такъ.

Аркадй обмеръ. Тайной силой
 Оледенѣла въ немъ вся кровь.
 Ужели образъ дѣвы милой
 Судьба ему покажетъ вновь?
 Спреминься—въ хапъ душной щемво...
 Онъ жаждешъ слышашъ рѣчи звукъ;

Но все вокругъ его безмолвно . . .
Онъ робко ищепъ прупа . . . Вдругъ:
Сшарикъ, какъ вихоръ одичалый,
Ворвавшись, смушный взоръ склонилъ
Къ спрадальцу. Факель озарилъ
Вокругъ пошоки крови алой . . .
Пришлецъ, глядишь на блѣдный ликъ
Ослабввающей Теары;
Счишая смершные удары,
Къ пронзенной груди онъ приникъ
И говоришь: „Ужель забыла
Того, живепъ кшо для себя?
Я изнемогъ, убилъ себя . . .
А ты меня не полюбила!
Взгляни, узнай: передъ шобой
Гардовскій.“ Быспрою рукой
Сорвалъ онъ бороду сѣдую,
Усы, кудрей измяшыхъ радъ,
И звалъ спрадалицу младую,
Ошкрывъ воинспвенный нарядъ.

Аркадій молвилъ: » Время, время
 Съ шобой, пріяпель, кончишь счешъ!
 Ты клялся мспишь — и кляшвы бремя
 Тебя, я думаю, гнешешъ.

(Подавая Гардовскому пистолеты.)

Бери любой — за писполешы
 Ручаюся — и все съ концомъ!
 Одинъ пуспой, другой съ свинцомъ...
 Чпо смопришь, — нѣшь на нихъ примѣшы!
 Привыкнуль чпо ли шы дрожашъ
 Предъ смершью? ... Спранная манера! ...
 Прошу безъ промаха спрѣляшь,
 А прупъ Теары — наша мѣра.
 Теперь одна мольба моя
 Къ Тебѣ, Всещедрый, Вездѣсущій:
 Прерви мой вѣкъ, меня гнепущій,
 Пусть вмѣспѣ съ ней исплѣю я!
 Спрѣляй! ... Лѣвѣй, шы скверно взялся.
 Сюда вошь, въ сердце! ... Трусъ! Смопри,
 Какъ я... Ну!... Чпо жъ шы зашатамлся?
 Спой прямо! Стой же! ... Разъ, два... при!

Гардовскій палъ. Въ одно мгновенье
 По немъ прошелъ могильный хладъ;
 Оцѣпенѣлъ попускльый взглядъ...
 Спрашна минуша разрушенья
 Жильца прескупнаго земли!
 Съ какою силой пошекли
 По немъ мученья! Посинѣли
 Успа; раздулися глаза;
 Опъ корчей кости заскрыпѣли.
 Онъ заспоналъ: » Убей Ксенза!...
 Къ чему онъ здѣсь?... Какіе госпи,
 Свирѣпые, идушь за нимъ?...
 Какой имъ пиръ! чшо надо имъ?...
 Смошри, хохочушь все опъ злоспи...
 Чшо вамъ смѣшно? ужасный видъ!
 Зачѣмъ шицалъ шакъ ваши змѣи?
 Ксензъ злобный, прочь свои зашѣи! —
 Меня швой гнусный видъ мершвицъ...
 Прочь... прочь... Пущише, дѣши ада!..
 Помедли, шягостная ночь!...
 Твои неисповыя чада

Подходяшь, Ксензь, гони жъ ихъ прочь!...

Они веляшь просишь прощенья...

Аркадй!... Боже, гаснешъ свѣтъ...

Аркадй! — руку зампренья!...

Скорй!... Приблизились мученья...

Грозашъ и пребуюшь... Дай...

АРКАДЙ.

Нѣшь!

Пусть разорвущъ шебл на часпи!

Тебя ли, извергъ не карашъ?

Въ подлунной нѣшь доспойной власпи

Твои злодѣйства наказашъ.

Самъ шаршаръ огненное знамя

Тебѣ на вспрѣчу разорвешъ

И въ даръ шебѣ смолу и пламя,

Оскаля зубы, поднесешъ!...

Прощай, Теара! На прощанье,

Дозволь холодное лобзанье...

(Цѣлуетъ ее.)

ТЕАРА, (окнувшись).

Аркадй... ты?... Иль это сонъ?

Нѣтъ, сердце мнѣ сказало: онъ,
 Онъ, радость жизни скорошечной!
 Пришелъ ты видѣть мой конецъ?
 Смори: въ груди моей свинець —
 Онъ спалъ дорогой къ жизни вѣчной...
 Мученья ранъ моихъ равны
 Мученьямъ спраспи безнадежной...
 Мы покорисься всѣ должны
 Судьбѣ жестокой, неизбѣжной...
 А рано ль, поздно ль — все равно!...
 И такъ сверши мое желанье,
 Ужасно шагосшно оно...
 Но любишь ты меня давно!
 Ты, изъ любви — прерви спраданье....
 Одинъ, всего одинъ ударъ —
 И буду я на вѣкъ спокойна!...
 Мольба шебя, мой другъ, достойна....
 Цѣлуй — и дай безцѣнный даръ! «
 Аркадїй понялъ гласъ спраданій.
 Онъ блѣдный ликъ поцѣловалъ....
 Вскричалъ.... И въ судорожной длани

Блещнуль убійспвенный кинжалъ.

Теары нѣпъ.

Аркадій.

Владѣю мершвой

Ужели слабый смершный могъ
 Ее почшишь подобной жершвой?
 Смирись, несправедливый рокъ!
 Не шрепещу швоей я власни
 И злобы немошной швоей,
 Ты не сильнѣй меня, злодѣй!
 Ты всѣ возможныя напасни
 И цѣлый шаршаръ ополчилъ;
 Но шщешно: — я ее убилъ! . . .
 Гардовскій Вздоръ, не съединишя
 Съ чиспѣйшей кровью! . . . нѣпъ, шому
 Не бышь, клянусь, — не веселишя
 И въ жизни будущей ему!
 Онъ спрашныи прупъ полкнулъ ногою..
 Рванулся вонъ Захохоталъ
 И въ лѣсъ, заглохшею пропою,
 Какъ сумасшедшій побѣжалъ.

Э п и л о г ъ .

О с е н ь .

Возспавъ опъ вѣковѣчныхъ льдовъ,
 Идетъ рушительница міра!
 Ея вѣнецъ изъ облаковъ;
 Съдая мгла ея порфира;
 Ея глаголы — бури вой;
 Ея дыханье — воздухъ плѣня
 И за широкою пясой
 Вездѣ дорога разрушенья!
 Убранства льща до конца
 Она сожгла, ярься опъ гнѣва.
 Грустна природа безъ вѣнца
 Какъ обезславенная дѣва!
 Покрыпо небо сѣрой мглой;
 Пошоки хлещущая волнами;
 Въ эфирѣ холодъ гробовой.
 Какъ струны съ голыми кослями,
 Деревя долину спорожащъ;
 По роцамъ коршуны кричащъ

И завываешь въспрѣ унылый,
 Какъ бы спрадалецъ надъ могилой.
 Промокла грудь нагихъ полей;
 Восходишь упрямо безъ денницы;
 Опшъ бурныхъ въспровѣ, опшъ дождей,
 Опшъ мрачной совѣспи своей,
 Вельможи прячущся въ споллицы —
 И залипа ковшемъ вина
 Души безплодной глубина!

Туманы льющся надъ Варшавой
 И вдоль обрушенныхъ валовъ,
 Гдѣ новой и блестящей славой
 Господь вѣнчалъ своихъ сыновъ,
 Сыновъ Россіи православной,
 Пресупникъ кляшвы гдѣ блѣднѣлъ,
 Гдѣ нашъ послѣдній громъ взгремѣлъ
 И успокоилъ духъ Державный.
 Въ дали бѣлѣшъ Надаржинъ,
 Зерно великихъ воспоминаній:
 Любимецъ Марса, славы сынъ,

Смиритель гордой Эривани,
 Обременя осадой умъ,
 Явившей Русскихъ передъ свѣтомъ,
 Тамъ звалъ безпрепетныхъ на штурмъ—
 И кличъ всеобщій — былъ опвѣтомъ!
 А вошь разспрѣянный косщѣль,
 Вокругъ него валы шройные.
 Сюда полуночный Орель
 Придвинулъ шучи громовыя;
 Здѣсь почва кровью напилась
 И потряслась враждой упорной,
 Здѣсь Воля крѣпкая сдалась,
 Ограда жизни своевольной.
 Уже замолкнулъ бранный громъ!
 Одни слѣды замѣшны боя:
 Вблизи могильный видѣнь холмъ;
 И крестъ, послѣдній даръ героя,
 Поспавленъ дружбою на немъ.
 Пылающій свяшымъ огнемъ,
 Поэшъ идешь къ оспашкамъ браннымъ.
 Собрашь шоварищей былыхъ

Своимъ мечемъ окровавленнымъ
Черпашъ, въ слезахъ, надгробный стихъ:

ЭПИТАФІЯ.

Враговъ бесчестные удары
Ему во гробъ ошверзли дверь —
И онъ блаженствуешь шеперь
Въ объятыхъ пламенной Теары.

Поэтъ.

Прощай, поварищъ! Спи спокойно,
Земля вездѣ для всѣхъ равна.
На родинѣ твоей доспойной
Могила также холодна!
Въ день судный мзду возмешь за раны,
Пресвѣтлый Ангель ихъ сочнешъ.
Прощай, поварищъ! Барабаны
Зовущъ на родину въ походъ.

К о н е ц ь .

